

*«...афганцы слынут щедрым и великодушным народом, если их не провоцировать». [1]
Ф.Энгельс*

ГЛАВА 1. АФГАНИСТАН: СТРАНА, ЛЮДИ, ОБЩЕСТВО

Афганистан расположен на важном внутриазиатском перекрестке, откуда дороги ведут и в благословенную Индию, и в Китай, и к Индийскому океану, и в Среднюю и Юго-Западную Азию, и в Европу. Такое географическое положение страны всегда предопределяло ее большое политическое, военно-стратегическое и торговое значение в делах региона и мира. Находясь внутри континента, Афганистан не имеет выходов к морю. Кратчайшее расстояние до Аравийского моря составляет около 500 км. Площадь (по официальным афганским данным) – 652,2 тыс. кв. км, что почти равняется площади ФРГ (в ее нынешних границах) и Польши, вместе взятых. Протяженность территории с запада на восток – около 1200 км, с севера на юг – примерно 800 км. Под сельхозугодьями находятся 39,8 млн. га (т.е. 61 % всей территории страны), в том числе под обработкой – 7,9, пастбищами и лугами – 3,0 млн. га. Прочие земли (горы и пустыни, непригодные к хозяйственному использованию) занимают 25,4 млн. га (39 % территории страны). [2]

На севере на протяжении 2384 км Афганистан граничит с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменией, на крайнем северо-востоке – с Китаем (96 км) и Индией (102 км; в ходе индо-пакистанских военных конфликтов в 60-х годах этот район индийской территории был захвачен Пакистаном), на востоке и юге – с Пакистаном (2310,5 км) и западе – с Ираном (925 км; по афганским данным).

ОФИЦИАЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ СТРАНЫ.

Как пишет афганский историк М.Г.Губар, слово «Афганистан» стало официальным названием государства только с XIX в., хотя первые упоминания этого слова, обозначающего территорию к востоку от Кабула, встречались еще в XIII в. [3] После свержения монархии в июле 1973 года страна получила наименование «Республика Афганистан», затем в апреле 1978 – «Демократическая Республика Афганистан», в ноябре 1987 – снова «Республика Афганистан» и, наконец, в апреле 1992 года – «Исламское государство Афганистан». С сентября 1996 по конец 2001 г. власть на большей части территории Афганистана находилась в руках экстремистского движения «Талибан», называвшего страну «Исламский эмират Афганистан». Столица – Кабул (в 1973 году – 500 тысяч жителей; в 1978 – 650 тыс. и в 1988 – более 1,4 млн.).

Основной административной единицей Афганистана является провинция (вилайят). Провинции включают округа (лой вулусвали), уезды (вулусвали) и волости (алакадари). Волости, как правило, подчинены уездам, хотя есть волости, входящие непосредственно в округа или провинции. Уездам и волостям подчиняются деревни (дех или карийя). По состоянию на 21 марта 1988 года, в стране было 30 провинций, 2 округа (Шинвар и Хост), 201 уезд, 95 волостей, 65 городов и 21343 деревни.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Рельеф. Афганистан – горно-пустынная страна. Примерно 4/5 ее территории занимают Северо-Афганские горы, включающие горные системы Паропамиз (хребты Паропамиз, Сафедкох и др.) и Гиндукуш (Западный и Восточный Гиндукуш, Хазараджат, Кохи-Баба) с их веерообразными хребтами и примыкающими к ним с юга Газни-Кандагарскими плоскогорьями (Юго-Восточное, Газнийское и Гардезское) с высотой более 2 тыс. м над уровнем моря. На крайнем северо-западе Афганистана горные вершины имеют высоты в 2-3,5 тыс. м и, постепенно повышаясь к востоку, достигают на стыке Гиндукуша с Памиром и Гималаями отметок 6-6,7 тыс. м. Высочайшая из них – гора Наушах (7486 м). Транспортное сообщение через мощные хребты Гиндукуша возможно лишь летом, когда перевалы освобождаются от снежных заносов. В другое время года они практически недоступны для обозов и путников (сам топоним «Гиндукуш» подтверждает эту свою относительную неприступность: в переводе с персидского он означает «убивающий индийца» – имеется в виду индийца-торговца, рисквавшего в прошлом своей жизнью при попытках пересечь эти горные массивы). Между горными хребтами лежат многочисленные плодородные, давно освоенные человеком долины. Наиболее обширные из них: Гератская, Кабульская, Чарикарская, Джалалабадская, Хостинская и др. К северу от отрогов Гиндукуша находится лёссовая равнина с узкой полосой песчаной пустыни, протянувшейся почти на 300 км вдоль пограничной р. Амударьи.

На юго-западе и западе на сотни километров простираются всхолмленные равнины и пустыни, в том числе песчаная, труднопроходимая пустыня Регистан и глинисто-щебнистые пустыни Дашти-Марго, Хаш и Дашти-Наумид. Высота их поверхности составляет в среднем 500-1000 м над уровнем моря. Здесь на отдельных участках встречаются подвижные барханы, которые нередко засыпают дороги и караванные пути, делая их непроходимыми. В Систанской впадине, а также к северу и югу от нее расположены большие пресные и соленые озера (Хамун, Сабари, Пузак, Гауди-Зира, Даги-Тунди и др.), болота и солончаки. В целом же в стране озер мало, да и те по большей части находятся в малонаселенных, слабоосвоенных человеком районах.

Гидрографическая сеть. Поверхностные водные ресурсы Афганистана, используемые для водоснабжения населения, орошения и получения гидроэлектроэнергии, относительно не велики. Большинство рек имеет горный характер. Для них типичны неширокое каменистое и извилистое русло, обрывистые берега, глубокие каньоны, большое число водопадов, уступов и порогов, бурные потоки во время половодья. Ни одна из них не имеет постоянного водотока в течение всего года, если не считать некоторых участков рек Гильменд, Аргандаб и Кабул, зарегулированных плотинами ГЭС с водохранилищами (Каджагай, Дахла, Наглу, Сароби, Дарунта). По характеру водного режима они в своем большинстве принадлежат к смешанному типу: беря начало в горах, они питаются за счет дождей и таяния снегов и ледников. Подъем воды начинается обычно в марте и достигает своего максимума к маю-июню. К августу реки мелеют, превращаясь в тоненькие ручейки. Часть рек, питаемых ледниками и вечными снегами северо-востока страны, сильно разливается летом и приходит к водному минимуму зимой. Пустыни и предгорные районы юго-запада и запада страны, а также Газни-Кандагарские плоскогорья иссечены многочисленными сухими

руслами водотоков, которые заполняются водой в дождливое время года, приобретая нередко характер бурных паводков.

Наиболее крупные реки Афганистана: пограничная Амударья (в верхнем течении – Пяндж), Гильменд (длина – 1150 км), Фарахруд (580 км), Герируд, Мургаб, Кабул с притоками Панджшер и Кунар. Все они, за исключением Амударьи и небольшого участка Пянджа, несудоходны. К бассейну Индийского океана принадлежит лишь река Кабул (правый приток Инда). Остальные реки относятся к внутренним водотокам, которые впадают либо в озера, либо теряются в песках и болотах, либо разбираются на хозяйственные нужды. По оценкам специалистов, Афганистан располагает огромными запасами грунтовых вод. Однако используются они для водоснабжения населения и хозяйственных нужд далеко недостаточно в результате технико-экономической отсталости страны и отсутствия необходимых финансовых средств.

Климат. Афганистан лежит в зоне сухих субтропиков. Хотя он расположен на географической широте Северной Африки, однако почти для всей территории страны из-за значительной приподнятости его поверхности, удаленности и отгороженности горными хребтами от Индийского океана характерны большая сухость воздуха, резкие суточные и годовые колебания температуры и дефицит осадков. Атмосферные осадки, выпадающие обычно зимой и весной в виде дождя и снега, приносятся в основном западными циклонами. Что касается влажных муссонных потоков с Индийского океана, то они проникают лишь в приграничные районы юго-востока Афганистана, принося с собой облачность и относительную влажность воздуха. Именно здесь выпадает от 500 до 800 мм осадков. В районе северного и южного Саланга их выпадает еще больше – свыше 1000 мм, главным образом в осенний и зимний периоды, когда для сельскохозяйственного производства они менее всего необходимы. В остальных районах их гораздо меньше: на склонах Паропамиза и Гиндукуша – 400-500 мм, на Газни-Кандагарских плоскогорьях и в северных предгорных и равнинных районах – до 250, а в пустынях юго-запада и запада – не более 40-50 мм. [4] На высотах более 2400 м снеговой покров держится 6-8 месяцев. Зона вечных снегов и ледников находится в Восточном Гиндукуше на высотах 4000 м и более.

Для местностей, расположенных на высоте 1300-2400 м (Кабул, Газни, Гардез, Катаваз, некоторые районы Хазараджата, Бадахшана и др.), присущ умеренный климат, с четко различаемыми четырьмя сезонами года. Здесь зимой температура может опускаться до -10° и даже -26° С. Средняя температура июля составляет $+24^{\circ}$, $+32^{\circ}$ С. В высокогорных районах (выше 2,5 тысячи м) морозы зимой достигают -35° С, а летом средняя температура не превышает $+10^{\circ}$ С. На высотах ниже 1000 м (Кандагар, Герат, Мазари-Шариф, Джалалабад и др.) лето – жаркое, а зима – мягкая, со средними месячными температурами от $+5^{\circ}$ до $+10^{\circ}$ С.

По природно-климатическим условиям и сельскохозяйственной специализации территорию страны можно разделить на 6 зон: северную зону предгорных степей и полупустынь с преимущественным развитием земледелия; северную зону пустынь – центр афганского каракулеводства; центральную умеренно-среднегорную зону орошаемого земледелия межгорных долин и продуктивных летних пастбищ; зону пустынь юго-запада и запада страны с кочевым животноводством и оазисным земледелием; субтропическую зону Джалалабадской и Хостинской долин с выращиванием цитрусовых культур и массивами промышленного леса; высокогорную холодную зону северо-востока страны. Наиболее освоенными человеком являются первые две зоны, то есть северные районы Афганистана. Здесь проживает примерно четверть всего населения страны и сосредоточены более 40 % всей пахотной земли, почти 60 % всей земельной площади, занятой под зерновыми и овощами, 46 % – под фруктовыми садами, более 80 % – под техническими культурами. В северных районах Афганистана выращивается более 70 % поголовья мелкого рогатого скота и почти все 5 млн. каракульских овец. [5]

Почвы Афганистана отличаются высоким плодородием. Это – в основном субтропические полупустынные и горные сероземы, серо-бурые пустынные, горно-луговые, лугово-степные и горные коричневые почвы. В засушливых, пустынных районах встречаются такыры и солончаки.

Растительный и животный мир. Афганцы нередко с гордостью говорят: «Афганистан – это азиатская Швейцария». Хотя, надо признать, для многих иностранцев, побывавших в стране и созерцавших пейзажи только ее центральных, северных и западных районов, увиденное никак не вяжется со сложившимися представлениями о Швейцарии. И, тем не менее, при всей претенциозности такого утверждения, оно все же имеет под собой определенное основание. В Нуристане и Пактии, действительно, можно встретить типично швейцарский ландшафт: бурные горные реки с водопадами и порогами, горные вершины и скалистые склоны, покрытые лесами гималайского типа – вечнозелеными дубами, соснами, пихтами, кедрами, арчой и др. Выше 3,3 тыс. м простирается пояс субальпийских и альпийских лугов. Небольшие леса фисташковых деревьев и заросли можжевельника разбросаны также по склонам и отрогам Паропамиза и Западного Гиндукуша. В целом леса в Афганистане, по официальным афганским данным, занимают 1,9 млн. га, то есть менее 3 % территории страны. На высотах до 1500-1800 м произрастают страгалы, акантолимоны, верблюжья колючка, а в пустынях – полыни, солянки, саксаул, горький дикий арбуз-колоцинт и др.

Животный мир Афганистана, несмотря на внешне кажущиеся суровость и скудость ландшафта, довольно разнообразен. В горных и предгорных районах сохранились популяции джейранов, сайгаков, диких козлов, баранов-архаров (их крупные особи в Афганистане называют «баранами Марко Поло»), ослы-куланы. В зоне степей, пустынь и полупустынь встречаются пятнистые гиены, шакалы, волки, афганские лисицы, корсаки, сурки, мангусты, дикобразы, ежи, зайцы, песчанки, полевки и др. В камышовых зарослях озер Систанской впадины, прибрежных заболоченных районах Амударьи и Пянджа, а также в поймах ряда рек Северного Афганистана обитают камышовые коты и кабаны. В Бадахшане водятся куницы и выдры. Лесная фауна присуща лишь Нуристану. Ее типичные представители – обезьяны, леопарды, рыси, медведи. Что касается лесов Пактии, то здесь многие виды животных были истреблены в результате бесконтрольной охоты местного населения.

В большинстве районов страны много змей, включая ядовитых (кобра, гюрза, эфа, щитомордник), черепах, ящериц, в том числе варанов и гималайских агам, и ядовитых паукообразных – каракуртов, скорпионов, фаланг и др. В отдельные годы на территорию Афганистана налетают огромные тучи саранчи.

Богат мир пернатых: орлы-беркуты, коршуны, гималайские грифы, ястребы-тетеревятники, дикие голуби, кеклики, перепела, жаворонки, скворцы-майна, удода, кольчатая и малая горлицы и т.д. Ранней весной в Афганистане появляется много перелетных птиц, в том числе гуси, журавли, кряковая утка, чирки, шилохвость, широконожка и др.

Ихтиофауна небогата. В реках к югу от Паропамиза и Гиндукуша преобладают маринка, в Систанских озерах – сазан, а на севере – усач, форель, жерех, сазан, маринка. Рыба (в основном маринка) встречается в подземных водах (кяризах), куда она запускается человеком для очищения водостоков от водорослей.

Полезные ископаемые Афганистана пока еще изучены слабо. По имеющимся сведениям, его недра богаты запасами природного газа и залежами медной, железной, хромовых, марганцевых, свинцово-цинковых и берилловых руд, олова, серы, гипса, соли, угля. Золото обнаружено в Бадахшане и Газни. Открыты месторождения нефти на севере, вблизи Шибиргана. Страна располагает огромными ресурсами природных каменных строительных материалов (гранита, мрамора, известняка, доломита, песчаника). Разрабатываются богатейшие месторождения (в основном в Бадахшане) драгоценных и ценных поделочных камней – изумруда, лазурита, рубина, бирюзы, граната, оникса, нефрита и др.

НАСЕЛЕНИЕ

Демографические особенности

Численность и естественное движение населения. Афганистан по численности населения значительно уступает своим соседям – Ирану и Пакистану. Согласно официальным данным, число жителей страны (включая и кочевников) в XX в. заметно выросло за счет естественного прироста и выборочно по годам составляло (в млн. человек): 1915 – около 4,5; 1946 – 11; 1962 – 15; 1972 – 17,4; 1976 – 19,8; лето 1979 (перепись) – 14,551; 1984 – 15,866; март 1988 – 16,663; 1989 – 17. [6] Таким образом, с 1915 по 1990 годы население страны увеличилось почти в 4 раза. Следует, однако, заметить, что все выше приведенные данные о численности населения Афганистана, особенно последних лет, носят крайне приблизительный характер как из-за неучтенных потерь в ходе гражданской войны и связанных с ней больших внутренней и внешней миграций, так и с погрешностями официальной статистики.

Численность оседлого населения в 1981 году определялась национальной статистикой в 13,8 млн. человек (т.е. около 84 % от всех жителей страны), а кочевников и полукочевников – примерно 2,5 млн. (более 16 %). Такое процентное соотношение между этими двумя группами населения сохранялось и в последующие годы (см. Приложения 1 и 2). Преобладающая часть оседлого населения – 82,8 % (оценка 1987 г.) – проживала в сельской местности, остальные – 17,2 % – в городах (см. Приложение 3). При этом только в столице было сосредоточено 47,84 % всех городских жителей. Еще 26,19 % горожан приходилось на города Кандагар (191 345 человек), Герат (150 497), Мазари-Шариф (110 367), Джалалабад (57 824) и Кундуз (57 112). В оставшихся 59 городах, вместе взятых, насчитывалось только 562 859 жителей.

Естественный прирост населения составляет в целом по стране в среднем 2,6 % в год. Причем в городе он значительно выше – 4,7 %, а в сельской местности – 2,3 (оценка конца 80-х годов). Цифровые показатели смертности и рождаемости в стране, как, впрочем, и средней продолжительности жизни, обычно в афганских статизданиях не приводятся. По свидетельству афганского историка М.Г.М.Губара, в начале 60-х годов на каждую тысячу населения смертность составляла 9,74 человека, а рождаемость – 29,56. [7] Такой показатель смертности, скорее характерный для стран Запада, чем для Афганистана (сравните: по данным 1970 г., в США он был 9,4, Швеции – 9,9, Норвегии – 9,7, Дании – 9,8), явно не отражает реальности, если учитывать низкий уровень жизни подавляющего большинства населения страны, массовые болезни, неблагоприятные системы здравоохранения, высокую детскую смертность. Ближе к истине представляются оценки зарубежных демографов, в соответствии с которыми в 1965-1970-х годах число родившихся в Афганистане в среднем за год на 1 тысячу жителей равнялось 50,5, а умерших – 26,5 человека. [8]

Половозрастная структура населения Афганистана многие годы остается относительно стабильной и характеризуется постоянным численным преобладанием мужчин над женщинами во всех возрастных группах и особенно после 55 лет (см. Приложение 3). [9] По оценке 1981 года, доля мужчин среди оседлого (городского и сельского) населения составляла 51,4 %, а женщин – 48,6. При этом такое соотношение между двумя половыми группами примерно одинаково и для города, и для деревни. Среди населения страны довольно велика доля лиц до 14 лет (так называемых «чистых» потребителей) – 44,6 %. Эта цифра говорит не только о «молодости нации», но и о перспективе еще большего обострения в афганском обществе проблемы занятости по мере взросления молодого поколения. Удельный вес самой дееспособной возрастной группы 20-59-летних в Афганистане невелик и составляет 40,6 % оседлого населения. Число жителей старше 60 лет незначительно – всего лишь 4,3 %.

Размещение населения, внутренние и внешние миграции. Население размещено по территории страны очень неравномерно. Согласно оценке 1987 года, его численность в отдельных районах и средняя плотность характеризовалась следующими данными:¹

¹ Подсчитано по: Краткие сведения об экономическом, политическом, социальном развитии Афганистана и его провинций. – С.7.

Географический район	Провинции	Численность населения (тыс. чел.)	Средняя плотность (человек на 1 кв. км)
Равнинно-предгорный район к северу от Паропамиза и Гиндукуша	Тахар, Баглан, Кундуз, Саманган, Балх, Джаузджан, Фарьяб	3516	39
Центральный и западный горный район	Бамиан, Сарипуль, Бадгис, Вардак, Урузган, Гор	2215	16
Гератский оазис	Герат	900	14
Бадахшан	Бадахшан	558	12
Восточный район	Нангархар, Кунар, Лагман	1468	58
Кабульский оазис	Кабул, Каписа, Парван	2639	166
Район плоскогорий к югу от Гиндукуша	Логар, Пактия, Пактика, Газни, Заболь, Кандагар	2637	22
Юго-западный и западный пустынный район	Гильменд, Нимруз, Фарах	960	6

Средняя плотность населения по стране составляет 23 человека на 1 кв. км. Наиболее густо заселены Кабульский оазис, Джалалабадская долина и северные равнинно-предгорные провинции. Наибольшая плотность населения наблюдается в провинции Кабул (389 человек на 1 кв. км) (см. Приложение 1).

В Афганистане всегда обычным явлением были регулярные перемещения кочевников и полукочевников по территории страны и за ее пределы, а также сезонный уход сельских жителей на заработок в города. Однако в последние десятилетия XX в. появились новые факторы, побуждавшие оседлое население к массовой внутренней и внешней миграции. Так, в 50-60-х годах значительная внутренняя миграция из сельской местности в города была связана со строительным бумом в рамках реализации первых пятилетних планов экономического развития. Особенно много мигрантов в то время приняли столица и стройки на севере и востоке страны. В последующем часть их осела в городе, пополнив его низы. В начале 70-х годов впервые в афганской истории произошел резкий всплеск внешней миграции, в основном, в Иран. Зоной оттока оседлого сельского населения являлись главным образом северо-западные провинции и внутренние районы Хазараджата. Места постоянного жительства тогда покинуло более миллиона человек. Причиной к этому стал голод, вызванный неурожаями двух засушливых лет – 1970 и 1971 годов и огромным падежом скота из-за небывалых снежных зим.

Огромной трагедией для афганского народа явилась многолетняя гражданская война. В ходе ее миллионы людей превратились во внутренних и внешних беженцев. Масштабы первых не поддаются учету, так как их потоки нередко менялись: сначала из сельской местности в города, под защиту воинских гарнизонов, а затем обратно, когда города становились ареной ожесточенных боев. К примеру, в Кабуле к началу 90-х годов насчитывалось более миллиона беженцев. После прихода к власти моджахедов в апреле 1992 года и развернувшихся в столице кровавых разборок между их различными группировками из почти полутора миллионного ее населения осталось чуть более 200 тысяч. Остальные устремились в более безопасные сельские районы. Что же касается внешних беженцев, их число уже во второй половине 80-х годов составило более 5 миллионов человек, то есть 1/3 населения страны. Большая их часть оказалась в Пакистане. По официальным пакистанским данным, к середине лета 1987 года их насчитывалось 3,45 млн. человек (из них 3,15 млн. были зарегистрированы по линии Верховного Комиссара ООН по делам беженцев). [10] Более 1,5 млн. (по другим данным – 2 млн.) афганских беженцев осели в Иране, а также в странах Персидского залива и в Индии.

Самодельное население и использование рабочей силы. Официальная афганская статистика считает трудоспособными лиц в возрасте от 15 до 59 лет. [11] В соответствии с этим критерием, в 1986/87 годах в стране насчитывалось 7,208 млн. трудоспособных. Из них самодельное (экономически активное) население составляло 5,668 млн. человек, то есть 78,6 % от всего трудоспособного населения. Большая часть экономически активного населения Афганистана (около 67 %; или 81,7 % от численности работников сферы материального производства) занята в сельском хозяйстве. По оценке 1987 года, [12] занятость населения характеризовалась следующими данными (в тыс. человек):

В сфере материального производства	4644
в том числе:	
сельское хозяйство	3792
промышленность (включая кустарную)	266,4
строительство	60
транспорт и связь	123
торговля и общественное питание	391
2.	В непромышленной сфере
	832,7
в том числе:	
просвещение	54
здравоохранение	15
культура и информация	6,9

сфера услуг	144,2
государственные учреждения и общественные организации	112,2
прочие отрасли	500,2
3.	Незанятое население
	191,5

Социальный состав. Накануне революции 1978 года Афганистан по-прежнему оставался сельскохозяйственно-скотоводческой страной. Промышленность была развита слабо. Однако, несмотря на сохранение сильных пережитков феодальных производственных отношений в аграрной сфере, афганское общество уже перестало быть феодальным. В процессе капиталистической эволюции, особенно в 50-70-х годах, в многоукладной экономике страны ведущими определились госкапиталистический, частнокапиталистический и мелкотоварный уклады. В соответствии с этим процессом менялись и социально-классовые характеристики общества, и соотношение между современными и традиционными слоями и классами населения, и социальный тип политически и экономически господствующих представителей верхушки – крупных землевладельцев (малеков). К ним относились дворцовая аристократия, крупные коррумпированные государственные служащие, генералитет, ханы и старейшины афганских (пуштунских) и других племен, высшее духовенство, крупная торговая буржуазия. Они в большинстве своем были абсентеистами и, извлекая большие капиталы из сдачи земли в аренду, главным своим занятием считали все же не аграрную сферу, а предпринимательскую, коммерческую и государственную деятельность, неся в себе таким образом скорее черты буржуа, чем феодального помещика. Другими словами, многие крупные землевладельцы-малеки в Афганистане являются ныне в принципе не представителями феодального, а капиталистически перерождающегося класса.

Афганская деревня накануне революции 1978 года оставалась, как и прежде, социально неоднородной (см. Приложение 4). На одном ее полюсе находилось крестьянство, составляющее около 80 % сельского населения, но владевшее всего лишь 55 % обрабатываемых земель (4345 тыс. га). Другой полюс был представлен крупными и средними землевладельцами-малеками (в Афганистане к малекам принято относить лиц, владеющих 10 га и более). [13] Составляя только 3,4 % сельского населения, они имели в своих руках 45 % лучших по качеству пахотно-пригодных обводненных земель (3555 тыс. га). Из них около 1 млн. га приходилось на долю 7 тысяч самых крупных малеков. Как отмечал в 1968 году С.А.Кештманд, «в некоторых провинциях страны целые уезды принадлежали одной-двум семьям феодальных малеков». [14] Что касается малоземельных крестьян, то примерно половина из них (550 тысяч) имели наделы земли от 0,5 до 1 га, далеко не достаточные для удовлетворения жизненных потребностей их, как правило, больших семей. В связи с этим они вынуждены были заниматься отхожим и побочным промыслами. Если к ним еще добавить безземельных и лишенных скота сельских жителей (около 300 тысяч семей), то можно представить сохранявшиеся десятилетиями в стране масштабы аграрного перенаселения – около 40 % сельского или приблизительно 50 % оседлого населения. [15] Избыточная рабочая сила имела и в скотоводческом хозяйстве, однако цифровые данные об этом афганской статистикой не приводились.

По оценкам конца 60-х годов, крестьяне-арендаторы составляли 20 % сельского оседлого населения. [16] Среди жителей афганской деревни заметное место по своей функциональной значимости занимали также и другие социальные группы – ремесленники, подмастерья, кустари, мелкие торговцы, работники сферы услуг, просвещения и здравоохранения, служители культа. Численность ремесленников и кустарей доходила до 10 % сельского населения – примерно 230 тыс. человек, из которых в ковровом производстве работали 137 тысяч и в ткацком – 18 тысяч. [17] Число мелких торговцев деревни сравнительно невелико – около 50 тыс. человек. Сельские учителя и медицинские работники (в основном среднего звена) насчитывали, вместе взятые, до 4 тыс. человек. По сравнению с ними, весьма представительной бала и остается прослойка деревенских служителей культа. Их численность – более 100 тысяч человек.

Помимо указанных выше групп, в состав сельского населения входят кочевники и полукочевники. Социальное расслоение глубоко проникло и в их среду. Среди них выделяется небольшая по численности влиятельная племенная верхушка, владеющая большим поголовьем скота (до 1,5-2 тыс. голов в одних руках). Большая часть кочевников занимается скотоводством, остальные – торговлей. [18] Кочевники-торговцы «повинда», составляя серьезную конкуренцию оседлому торговому люду, особенно в глубинных центральных районах Афганистана, в 70-х годах обеспечивали, по некоторым данным, до 80 % всей внутренней торговли страны.

Производственные отношения в афганской деревне между землевладельцами-арендодателями и землепользователями во второй половине XX в. регулировались на основе разнообразных форм аренды, пришедшей из глубины столетий и вошедшей в себя нормы обычного права и установления средневековой феодальной зависимости. В разных районах Афганистана аренда носит различные названия: «дехкани», «кештманди», «базгари», «назири» или «хамсаги» (в переводе означают «крестьянствование», «хлебопашество», «надсмотрничество», «соседские отношения»). [19] В стране не существует какого-либо законодательства об аренде. Ее размеры зависят от многих факторов. Обычно арендная плата за землю составляет от 20 до 80 % собранного урожая и изымается в натуральной и денежной формах. Почти повсеместно она носит кратковременный договорной характер. Положение крестьян-арендаторов не всегда и не везде одинаково. Те из них, кто арендует 3 и более га земли, обычно по материальному достатку стоят на уровне крестьянина-середняка.

Наиболее распространенными типами аренды, называемыми в соответствии с числовыми долями раздела урожая, являются:

1. **Нисф-кари** (или **ним-кари**). Суть ее заключается в том, что собранный урожай делится на две равные части между землевладельцем и арендатором. При этом последний должен использовать свой рабо-

чий скот, инвентарь, половину семян, очищать арыки, производить вспашку земли, посев, полив, уход за посевами, уборку, обмолот и доставку половины урожая в амбары владельца земли. Данный тип аренды является наиболее типичным в районах с благоприятными для сельскохозяйственного производства почвенно-климатическими условиями и хорошим водообеспечением.

2. Се-ду-кари. Собранный урожай в соответствии с этой формой аренды делится на три равные части, из которых 2/3 урожая получает владелец земли и оставшуюся треть – арендатор. Землевладелец при этом обеспечивает третью часть рабочей силы при уборке урожая и платит государству налог за землю.

3. Чар-йак-кари. При этой форме аренды крестьянин-арендатор получает 1/4 часть урожая натурой и обусловленную договоренностью с землевладельцем небольшую сумму денег и одежду. Семена, труд, инвентарь, рабочий скот обеспечиваются самим арендатором.

4. Чар-се-кари. Это – одна из наиболее выгодных для арендатора форм аренды, при которой он получает 3/4 урожая. Семена, труд, инвентарь, рабочий скот, как и при третьей форме аренды, – все это забота самого арендатора. Землевладелец, получая четверть урожая, предоставляет лишь землю и платит государству за нее налог.

5. Пандж-йак-кари. Согласно этой форме аренды, крестьянин получает 1/5 часть собранного урожая и несколько большую, чем при третьей форме, сумму денег. Земельный налог платит арендодатель.

6. Шаш-йак-кари. По этой форме аренды доля натуральной продукции, получаемой землепользователем, снижается до 1/6 части урожая, но зато несколько увеличивается выплачиваемая ему сумма денег.

7. Хафт-йак-кари. Арендатор получает натурой лишь 1/7 часть урожая. Оставшаяся его доля компенсируется в денежной форме.

8. Нох-йак-кари. В соответствии с этой формой аренды предпочтение отдается денежной оплате труда и материальных затрат крестьянина-арендатора. Доля урожая, оставляемая ему владельцем земли, снижается до 1/9 или 1/10 части валового сбора урожая.

9. Пандж-чар-кари. Эта форма арендной платы имеет место в основном в районах богарного земледелия, где арендатор получает 4/5 урожая, а землевладелец – оставшуюся 1/5 часть.

10. Шаш-пандж-кари. Применяется на неорошаемых землях. Доля землевладельца в данном случае равняется 1/6 урожая, а арендатора – 5/6.

11. Хашт-хафт-кари. Данный тип аренды, используется, как правило, на малоплодородных землях. В этом случае арендатору полагается 7/8 частей урожая, а землевладельцу – 1/8.

12. Дах-нох-кари. Такой тип аренды характерен для богара в горных районах. В соответствии с ним землепользователю достается 9/10 собранного урожая.

Арендные отношения в Афганистане далеко не исчерпываются только вышеперечисленными нормами раздела урожая между землевладельцем и арендатором. В различных, а иногда и в одних и тех же хозяйственных районах встречается множество других разновидностей аренды, складывающихся в зависимости от качества земли, природных условий, удаленности от населенных пунктов, вида выращиваемых культур, трудоемкости их возделывания, конъюнктуры спроса-предложения на рынке и ряда других факторов. В последние десятилетия в стране получает распространение заранее (еще до сбора урожая) обусловленная, фиксированная (денежная и натуральная) аренда. [20] Она нередко сопровождается залоговыми обязательствами под движимое и недвижимое имущество крестьянина-арендатора (дом, надворные постройки, инвентарь, скот, земля). В случае неурожая крестьянин рискует потерять свое имущество и землю и перейти в разряд батраков.

Тяжелым бременем на плечи афганского крестьянина ложатся также традиционно высокий ростовщический процент, «суде салам» и множество, ставших обязательными, подношений мулле, мирабу, малеку, представителям властей и т. д. Размеры ростовщического процента полностью зависят от воли и прихоти займодавца и колеблются от 30 до 300 % к полученной сумме. [21] При этом долгосрочные ссуды даются, как правило, под залог движимого и недвижимого имущества. Такой же разорительный характер носит и «суде салам». Суть его заключается в том, что крестьянин, получая у ростовщика обычно накануне начала сезона полевых работ какую-либо помощь, например, зерно на семена, в счет определенной суммы денежного кредита, обязуется вернуть ему долг из нового урожая на обусловленную сумму, но уже по более низким ценам и в значительно большем количестве.

Что касается структуры городского населения Афганистана, то она в гораздо большей степени, чем сельского, испытывала и продолжает испытывать на себе воздействие капитализации страны. Особенно заметен был в последние десятилетия количественный рост лиц наемного труда, в том числе фабрично-заводских рабочих. Численность последних увеличилась с 7,6 тыс. человек в 1956/57 годах до 60 тыс. в конце 70-х годов. Наиболее крупными отрядами промышленных рабочих являются текстильщики, занятые, как правило, на государственных и смешанных предприятиях и составляющие примерно треть всех фабрично-заводских рабочих, рабочие завода азотно-туковых удобрений в Мазари-Шарифе, газовики и шахтеры-угольщики на севере страны, рабочие промышленности строительных материалов (цементные заводы в Джабаль-ус-Сирадже и Пули-Хумри, Кабульский домостроительный комбинат, асфальто-бетонные заводы в столице), рабочие авторемонтно-механического завода Джангалак в Кабуле, обувщики, пищевики.

Для афганской фабрично-заводской промышленности и формирующегося национального рабочего класса характерна высокая степень концентрации: более 80 % всех промышленных предприятий расположено в центральной и северной равнинной зонах страны. Именно здесь сосредоточено 78,9 % всех занятых в фабрично-заводской и добывающей промышленности. [22] И еще одна особенность: более одной трети всех рабочих заняты на крупных предприятиях с числом рабочих от 200 до 5000 человек. Среди них выделяются Гульбахарский текстильный комбинат (более 5 тыс. рабочих), текстильные фабрики в Пули-Хумри (более 2 тыс.) и Баграми (более 1 тыс.), завод Джангалак.

В 50-60-х годах в связи с реализацией политики «руководимой экономики», в основном за счет прито-

ка в город деревенских жителей, в Афганистане значительно увеличилась такая категория рабочих, как строители. Их численность к концу 60-х годов превысила 80 тыс. человек. Однако в последующем многие из них оказались не у дел из-за завершения строительства крупных объектов. Часть их перешла в другие сферы деятельности, часть пополнила армию «лишних людей». По официальным данным, к концу 70-х годов в строительстве было занято лишь 46,4 тыс. человек. В это же время на транспорте и в связи трудилось немногим более 2 тыс. человек. [23]

Афганский рабочий класс проходит только первые шаги своего становления и еще не обладает в полной мере присущими этому классу характеристиками. Его отличают, кроме малочисленности, низкий образовательный уровень, слабая политизация, большая доля в его среде неквалифицированных и малоквалифицированных работников, сохранение прочных экономических и психологических связей с традиционными слоями и классами общества, ограниченность ядра кадровых рабочих. Их подавляющее большинство относится к первому поколению. Значительную часть рабочих составляют отходники и сезонники из деревни.

Более трети занятого городского населения (примерно 300-350 тыс. человек) составляют представители мелкобуржуазных слоев – ремесленники, кустари, мелкие торговцы, работники сферы услуг (кафе, мелких пекарен, ателье по пошиву верхней одежды, прачечных, химчисток, фотоателье, парикмахерских и т. п.). Именно они, как и во многих других развивающихся странах, определяют социальный облик афганского города. Из их среды в своем подавляющем большинстве выходит интеллигенция – работники просвещения и здравоохранения, низшие и средние категории служащих государственных учреждений и частных компаний, унтер-офицерство, младшее и среднее офицерство, инженерно-технические работники, служители культа, лица свободных профессий, студенческая и учащаяся молодежь. Они более всего политизированы и являются основным носителем в обществе идей и настроений бунтарства, радикализма, правого и левого экстремизма. По официальным оценкам, численность различных групп мелкобуржуазной городской интеллигенции в 1978 году достигла: учителей – более 32 тыс.; врачей и среднего медицинского персонала в государственном здравоохранении (соответственно) – 906 и 2753 человека (из них только в столице врачей было 530 и средних медработников – 1732 человека); чиновников госучреждений – более 60 тыс.; преподавателей вузов, техникумов и профессионально-технических учебных заведений – 2180; офицеров и унтер-офицеров – более 12 тыс.; студентов вузов и техникумов около 20 тыс. человек. Лиц свободных профессий (врачей-частников, музыкантов, адвокатов, актеров, художников, писателей и т. д.) в Афганистане насчитывается несколько тысяч, в том числе врачей и фармацевтов – 776, творческих работников – около 3 тыс. человек. [24] Верхняя прослойка интеллигенции, непосредственно примыкающая к экономически и политически господствующей в стране элите или вышедшая из нее, была численно невелика.

По мере ускорения буржуазного развития все более острой в стране становилась проблема пауперизации общества и, как результат этого процесса, увеличение численности городских низов, занятых обычно в сфере услуг (личная прислуга, лотошники, чистильщики обуви, подметальщики улиц, грузчики, карачи, водоносы), и деклассированных элементов (нищих, бродяг, карманных воров, бандитов, дервишей-малангов, проституток и пр.). К 1978 году их в целом в афганских городах насчитывалось не менее 500 тыс. человек, или до 25 % городского населения. Ряды указанных двух социальных прослоек постоянно пополнялись за счет притока в города лишившихся земли и обнищавших крестьян, а также разорившихся мелких городских хозяев, ремесленников и кустарей.

Афганская буржуазия, как и другие современные слои и классы общества, немногочисленна и различается по роду деятельности, размерам капитала, социальному статусу, степени политического влияния, характеру связей с иностранным капиталом. Крупная (торговая и промышленная) буржуазия Афганистана не превышала 3-4 тыс. человек, из которых не более 300 – промышленники-предприниматели. [25] В 50-70-х годах наиболее заметными фигурами среди них были Абдул Маджид Забули, соучредитель Афганского национального банка (АНБ) и торгово-промышленной «группы АНБ», и Г.С.Нашер, президент и совладелец компании «Спинзар». Крупные буржуа тесно связаны с госаппаратом и активно вторгаются в политическую жизнь страны, нередко занимая ключевые посты в высших властных структурах. Они широко выходят на внешний рынок и сотрудничают с иностранным капиталом. Однако иностранные инвестиции в экономику Афганистана (в том числе и частный сектор) никогда не были масштабными, в связи с чем лишены какого-либо основания утверждения о большой зависимости страны от иностранного капитала и о наличии в стране значительного слоя компрадорской буржуазии. Наряду с торгово-промышленной буржуазией, в Афганистане в последние десятилетия появилась небольшая прослойка бюрократической буржуазии, нажившей капиталы на расхищении государственных средств, получении разного рода вознаграждений от местных и иностранных фирм за «услуги», взяточничестве, коррупции, а также за счет скрытого и открытого бизнеса.

Что касается средней буржуазии, то она в Афганистане насчитывает несколько десятков тысяч человек и представлена владельцами небольших промышленных и ремонтных предприятий (от 30 до 50 рабочих), торговцами-оптовиками и экспортерами, скупщиками продукции мелких товаропроизводителей, контрагентами крупных торговых фирм, маклерами, субподрядчиками, хозяевами ресторанов, гостиниц, кафе, кинотеатров, дамских салонов, мелких транспортных компаний, крупных пошивочных мастерских и т. д. [26] По своему менталитету, политической ориентации и взглядам, деловым интересам и связям, генетическим корням афганская средняя буржуазия – сила национальная. Она выражает недовольство за счет крупного капитала во внешнеэкономических, банковских и предпринимательских делах, страдает в конкурентной борьбе от узости внутреннего рынка и неразвитости производительных сил, ревниво относится к проникновению в страну иностранного капитала. Ее представители, получив хорошее образование за рубежом, заполняют обычно верхние ярусы госаппарата, формируют костяк интеллектуальной элиты и нередко становятся во главе различных общественных движений.

Языки. Население Афганистана неоднородно и в языковом отношении. Оно говорит в различных районах страны на языках иранской, тюркской, индийской, дардской и других групп (всего более чем на 30 языках и диалектах). Официальными языками являются дари и пушту (последний стал, наряду с дари, официальным государственным языком с 1936 года). Язык дари близок к персидскому и относится к западно-иранской группе языков. На языке дари говорит большинство населения центральных провинций, севера, запада и всех городов, а на пушту – восточных, южных и юго-западных провинций Афганистана. Дари, вместе с тем, выполняет роль и языка межнационального общения. Тюркские языки (узбекский, туркменский, казахский, киргизский и др.) распространены в северных и северо-западных провинциях, индийские и дардские – в южных и восточных районах страны.

Религиозный состав. Подавляющее большинство населения Афганистана (около 98 %) исповедует ислам, принесенный в страну между VIII и X вв. Согласно всем прежним конституциям, он объявлялся официальной религией страны. Причем в некоторых из них подчеркивалось привилегированное положение суннизма ханифитского мазхаба (толка) при отправлении государственных религиозных обрядов. Приверженность ханифитскому вероисповеданию была обязательна и для личности монарха. [27] Право исповедовать другие религии было впервые зафиксировано в Афганистане в конституции 1964 года.

Последователи ислама в стране делятся на две большие группы – суннитов и шиитов, а также на ряд сект. Сунниты составляют от 70 до 75 % всего населения. По национальному признаку это – большая часть афганцев (пуштунов), большинство таджиков, узбеки, туркмены, чараймаки (фирузкухи и таймени), белуджи, киргизы, нуристанцы, хазарейцы-дехи-зейнат, брагуи, часть пашаев и курдов, арабы, казахи, каракалпаки. Подавляющее большинство суннитского населения Афганистана принадлежит к ханифитскому мазхабу и лишь небольшая его часть – к шафитам (курды, белуджи) и ханбалитам (арабы и др.). В северных, центральных, восточных и ряде других районов страны действуют различные суфийские (дервишеские) ордена и братства: накшбандийя, кадирийя, чиштийя, сухравердийя, каррахийя, мусайя, наксийя и другие. Наибольшее число сторонников имеют ордена накшбандийя и кадирийя. Среди них особое место занимают нищенствующие мусульманские бродячие аскеты-мистики – члены дервишеского ордена малангов, насчитывающие ориентировочно несколько тысяч человек и отличающиеся ярко выраженной агрессивностью поведения. Особенно их много в столице, в кварталах бедноты (так называемом «старом городе»).

Шиитская община составляет в Афганистане религиозное меньшинство и насчитывает не менее 25-30 % населения страны (примеч.: афганская официальная статистика по конъюнктурным соображениям обычно занижает численность приверженцев шиизма). К ним относятся хазарейцы, горные таджики, персы, монголы, афшары, чараймаки (джемшиды и теймуры), бахтиары, кызылбаши, часть пашаев, таджиков и пуштунов (шейхали, джаджи, моманды, тури, оракзай, юсуфзай, махмудзай, афридии), проживающих на востоке и юге Афганистана. Большинство афганских шиитов (55-65 % их общего числа) принадлежит к имамитской ветви, остальные – к сектам исмаилитов, али-илахи (ахл-и хакк), рошанитов и ахмадийя. [28]

Ислам, как идеологическая система, охватывает, кроме веры, культуру, традиции, политико-правовые, семейно-бытовые, этические и другие нормы и представления, оказывает огромное влияние на общественную и частную жизнь граждан, активно участвует в формировании их массового сознания.

Общая численность мусульманского духовенства в Афганистане достигает 250-260 тыс. человек. В зависимости от своего положения в неофициальной духовной иерархии и авторитета среди населения его можно условно подразделить на верхушку – сеиды (потомки пророка Мухаммеда), шейхи, хазраты, пиры, ишаны, улемы; среднее звено – муллы-имамы (настоятели мечетей), руководители теологических учебных заведений, маулави (лица, получившие специальное богословское образование); и низшие категории служителей культа, исполняющие отдельные религиозные функции, – кари (чтецы Корана), муэззины и др. В социальном отношении высшие духовные деятели представлены в основном выходцами из клерикальной и племенной аристократии, крупных землевладельцев-малеков и торговцев. Что касается представителей низшего духовенства, то они обычно являются выходцами из средних слоев – мелких торговцев, ремесленников, кустарей, а иногда и крестьян.

Подготовка мусульманских священнослужителей низшего ранга в Афганистане ведется, как правило, в частных приходских духовных школах и медресе, содержащихся на средства прихожан и влиятельных религиозных лидеров, а также в специальных государственных медресе, [29] а высшего ранга – только в правительственных духовных учебных заведениях, как-то: медресе шариатских богословов в г. Пагмане, к северо-западу от Кабула, Кабульской духовной (т. н. арабской) академии и на богословском факультете Кабульского университета. Часть богословов высшего ранга готовится за рубежом, главным образом в исламском университете Аль-Азхар в Египте.

Среди мусульманского духовенства Афганистана в силу ряда исторических причин нет признанного всеми, как это имеет место в соседнем Иране, высшего духовного авторитета, обладающего правом выступать в качестве главы религиозной общины в масштабе всей страны (до 1973 года им считался король, хотя на деле он таковым никогда не являлся). Вместе с тем в определенных районах, подчас охватывающих довольно-таки значительную территорию, действовали и продолжают действовать различные духовные авторитеты – хазраты, шейхи, пиры, возглавляющие обособленные религиозные общины и часто пользующиеся репутацией «святых».

Так, в столичном районе, а также на обширной территории от Кунара, Нангархара, Кабула до Кандагара, Пактии и Катаваза, населенной пуштунами, огромное влияние на верующих оказывали семья Моджаддеди; в районах Чарикара, Кухистана, Кухдамана, Карабага, Пули-Хумри, Кундуза, Ханабада – Фахр аль-машайех Ахунд-заде Тагави; в районе Герата, Фараха и Баламургаба – Гератские «святые» Кярих; в провинции Логар – Ахад-заде Саиб Муса Логари; в Кабуле и к востоку от него, а также в районах Кандагара – семья Сеида Накиб Саиба Багдади (Афандижан); в районе Доши, Баглана и Бадахшана – семья Сеида Каяна; в районе Акчи и Шибиргана – Халифа Саиб Казаль Айяк; в Вазараджате и Пактии – Сеид Мок-

тада Саиб и др. (см. Приложение 5).

Наиболее влиятельной из них является семья Моджаддеди. Ее позиции среди духовенства значительно возросли с созданием правительством Афганистана в 1930 году высшего координирующего, контролирующего и руководящего органа духовенства – Совета улемов («Джамиат-е улема»), в котором Моджаддеди заняли главенствующее положение. Однако надо признать, что лидерство Моджаддеди в духовных и политических делах страны признавалось тогда и в последующем далеко не всеми религиозными деятелями. Никогда не прекращавшееся противоборство в среде духовной элиты дополняется в Афганистане острыми противоречиями и открытой враждебностью между суннитами, с одной стороны, и шиитами – с другой, а также неприязнью к мусульманским сектантам. Противоречия и нетерпимость между различными конфессиональными группами составляют характерную черту духовной жизни афганского общества.

В Афганистане насчитывается не менее 20 тысяч мечетей, в том числе только в Кабуле – более 600 (не считая мелких мечетей, не зарегистрированных в столичной управе). Предметом особого почитания и поклонения среди верующих являются мазары (гробницы) и зияраты («святые» места и могилы), число которых в стране достигает 1,5 тысяч. Наибольшей популярностью пользуется мечеть Раузайи-Шариф в Мазари-Шарифе (XV в.), где якобы был погребен халиф Али, мечеть Херкайи-Мобарек в Кандагаре, хранящая одежду пророка Мухаммеда, и Газаргах – мавзолеей шейха А.Ансари и место захоронения святых в Герате (XI в.). Именно они являются внутри Афганистана основными центрами массового паломничества мусульман. Любопытная деталь: только на указанные три места в стране распространяется право беста. Многие из культовых сооружений представляют большую историческую и архитектурную ценность, в частности, соборная мечеть в Герате (XIII в.), мечеть Абу Насра Парса в Балхе (XV в.) гробница Ахундаде близ Джалалабада, кабульские мечети Пули-Хешти (XVIII в.; новое ее здание построено в 60-х годах XX в.) и Шахи-ду-шамшира (это была самая первая в Кабуле мечеть, построенная арабами с началом распространения ислама на территории современного Афганистана; ныне существующее здание мечети сооружено в 1927 году по указанию матери короля Аманулла), священное место Сахиджан в столице, где, по преданию, останавливался на ночлег халиф Али и где некоторое время хранилась одежда пророка Мухаммеда, перевозившаяся в период правления Ахмад-шаха из Бухары в Кандагар, зиярат Ашекан-о-Арефан и др. [30]

Приверженцев других религий в Афганистане немного – около 2,5 %. Самой значительной по численности общиной из них являются индуисты и сикхи (всего более 40 тыс. человек), проживающие главным образом в городах Кабуле, Джалалабаде, Кандагаре и Газни и занимающиеся преимущественно торговлей. Имеются также и небольшие группы христиан (несколько тысяч), иудеев и зороастрийцев (по несколько сот человек каждая).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Многонациональное население Афганистана, включающее ныне в себя более 20 различных этносов, складывалось в течение тысячелетий, в процессе миграций и вторжений в пределы этого региона многих племен и народов, их расселения и смешения с местным населением. Предположительно во II тыс. до н. э. сюда с северо-запада, из района Южного Урала и междуречий Дона – Днепра – Днестра – Дуная, пришли скотоводческие племена ариев. К началу I тыс. до н. э. они уже заселили большую территорию Среднего Востока и Северной Индии. Вслед за евразийскими пришельцами в пределы современного Афганистана стали один за другим проникать и создавать здесь свои государственные образования персы, греки, скифы, саки, кушаны, эфталиты, арабы, таджики (Саманиды), тюрки, монголы. Все они – эти различные расы и народы – в той или иной мере приняли участие в этногенезе населения современного Афганистана. Народы, населяющие Афганистан, с этнической и языковой точек зрения можно условно разделить на следующие группы:

1. Иранская группа. Она представлена пуштунами, таджиками, припамирскими таджиками, персами, белуджами, чараймаками (фирузкухи, джемшиды, таймени, теймуры), курдами, бахтиярами, ормури (бараки), парачи, зури, тахири и др. Расселены они практически по всей территории страны.

2. Тюрко-монголо-иранская группа. К ней относятся хазарейцы, проживающие компактно в центральной горной части Афганистана – Хазараджате, а также в южных приграничных провинциях и многих городах.

3. Тюркская группа. Включает в себя узбеков, туркмен, киргизов, казахов, афшаров, уйгуров, каракалпаков, кызылбашей, татар, сельджуков, кыпчаков и др. Проживают они, как правило, на севере, северо-западе и северо-востоке страны, а также в Кабуле и Кандагаре.

4. Дравидская группа. Ее составляют брагуи – потомки народов, живших в пределах современного Афганистана и Индии еще до прихода сюда ариев. Их численность ныне составляет, видимо, несколько десятков тысяч человек. Все они – кочевники-скотоводы и обитают на юге провинций Кандагар, Гильменд и Фарах, а также в провинции Нимруз. Брагуи Афганистана подразделяются на племена захри-менгал, раисани, сарпарра и др. [31]

5. Дардская (индоарийская) группа. Включает пашаев, нуристанцев и тирахи. Проживают в провинциях Лагман, Кунар, Каписа и на юге Бадахшана.

6. Монгольская группа. В Афганистане она представлена монголами. Они сохранили монгольский язык и элементы уклада жизни своих предков. Составляя по численности всего несколько тысяч человек, они проживают небольшими группами в провинции Гор, к востоку от Герата (здесь их в 1984 году было 1824 человека), к северу от г. Меймене (провинция Фарьяб), к востоку от г. Газни и в провинциях Кундуз и Баглан.

7. Семитская группа. Она представлена арабами и евреями и насчитывает в Афганистане несколько десятков тысяч человек. Арабы живут тремя компактными группами на севере провинций Фарьяб, Джаузджан, Балх и Саманган. Небольшие группы арабов имеются в окрестностях г. Джалалабада и в провинции Герат (по данным 1984 года, их численность в указанной провинции составляла 7561 человек). [32] В про-

винции Герат проживает также арабская по происхождению этногруппа хаджа (численность – около 6 тыс. человек). [33] Евреи (около 1 тыс. человек) сосредоточены преимущественно в Кабуле и Герате. И арабы, и евреи говорят на языке дари.

Кроме перечисленных выше групп, в Афганистане имеются небольшие колонии гуджаров, джатов, пенджабцев, лахида, гуджератцев, бенгальцев и др.

В Афганских и зарубежных справочных изданиях обычно приводятся ориентировочные и часто весьма противоречивые сведения о численности населяющих Афганистан этносов. Пожалуй, наиболее близким к действительности можно считать материалы учета, проведенного по провинциям летом 1985 года местными статистическими органами (см. Приложение 2), согласно которым национальный состав страны характеризовался следующими данными: пуштуны – св. 5,8 млн. человек (без учета кочевников; или 42,3 % от всего оседлого населения); таджики – около 3,9 млн. (28,2 %); хазарейцы – около 1,6 млн. (11,4 %); узбеки – более 1,1 млн. (8 %); туркмены – около 340 тыс. (2,4 %); белуджи – более 177 тыс. (1,3 %); чараймаки – более 172 тыс. (1,3 %); пашаи – более 147 тыс. (1,1 %); нуристанцы – около 85 тыс. (0,6 %); прочие – около 460 тыс. человек (3,4 %).

Пуштуны (афганцы, патаны) – наиболее многочисленная группа населения Афганистана. Первое письменное упоминание этнонима «афганцы» относится к X в. [34] О их происхождении, в том числе и в исторической литературе, существует немало разных мифов и легенд, иногда самых фантастических. По свидетельству Александра Бёрнса, британского разведчика и резидента в Кабуле в 30 – начале 40-х годов XIX в., афганцы глубоко верили в то, что их родоначальниками были сыновья библейского Ноя – Сим и Хам (в литературе по Афганистану соответственно – Кабул и Хабул). Согласно другой популярной легенде, афганцы имеют еврейское происхождение и ведут свою родословную через Кайса от израильско-иудейского царя Саула. Тогда местом их обитания являлась-де Сирия, откуда они были уведены в плен вавилонским царем Навуходоносором II и расселены в различных местах Персии и Мидии. В последующем они ушли на восток, в горные районы Гора (Западный Гиндукуш), где местные жители будто-бы называли их «Бани Афган» («афганцы») и «Бани Израиль» («израильтяне»). В подтверждение этой версии обычно ссылаются на коранического пророка Идриса, который якобы упоминал о 10 израильских племенах, уведённых в плен и впоследствии нашедших прибежище в некоей стране Арзарет (идентифицируется с Хазараджатом). Все эти красивые легенды о семитском происхождении не разделяются ни зарубежными, ни афганскими историками и ни даже на уровне массового сознания. [35]

В соответствии с еще одной широко распространенной легендой, будто бы отряд афганцев из 76 человек был приведен главой племени курейшитов Халид бен Валидом к пророку Мухаммеду в Медину, где они в сражениях за дело ислама показали образцы храбрости и воинского искусства, за что пророк, провозглашая их домой, преподнес им ценные подарки и, благословляя их народ, предсказал ему славный жизненный путь. Кроме того, Мухаммед в знак особого благоволения к командиру афганского отряда Кайсу с удовольствием изменил его иудейское имя на арабское – Абдуррашид («храбрый раб божий»). По преданию, Абдуррашид (Кайс, он же Патан) женился на дочери Халида бен Валида, от которой имел четырех сыновей по имени Сарбан (старший сын), Бетанай (Батан), Гаргашт и Карланай (Карлан, Карран). Они-то и стали, согласно легендарной генеалогии, прародителями четырех основных колен афганских племен – сарбани, батани (бетани), гаргашти и карлани (каррани). [35а]

Большинство русских, советских и зарубежных востоковедов сходятся во мнении, что первоначальным районом обитания афганцев были склоны Сулеймановых гор (на иранских языках «склон» – «пошт» или «пушт», отсюда идет само название афганцев – пуштун, то есть «живущий на склоне»). В XI-XVI вв. они расселились на большой территории, лежавшей к западу, северу и востоку от Сулеймановых гор. Примерно в это же время (с XI в.) началось складывание афганской народности. [36] В этногенезе афганцев важную роль сыграли, кроме индоарийского, и другие элементы. Так, гильзаи, тюрки по происхождению, еще в X в., по словам арабского географа, сохраняли «Язык, облик и быт тюрков» и только к XVI в. восприняли язык пушту и слились с афганцами. [37]

Афганцы до сих пор сохраняют пережиточные черты родоплеменной организации, для которой характерны: общность территории обитания, кровнородственные связи, органы племенного самоуправления, вооруженное ополчение, нормы обычного права и джирговой демократии, общность языка (диалекта), племенное самосознание и т. д. Племенная структура пуштунов, в основу которой положен принцип мифического или действительного родства по отцовской линии, включает в себя несколько ярусов: всю этнообщность пуштунов (кауи), союзы (объединения) племен и их ветви, племена (кабила) и их различные подразделения (таифа и др.), роды (хель) и семьи (кор или коранай; в афганской литературе нередко встречается термин «табар», которым могут обозначаться различные уровни внутрплеменных структур от каума до кора). По словам бывшего министра по делам народностей и племен ДРА Сулеймана Лайека, в Афганистане насчитывается, по приблизительным подсчетам, 1744 рода и различных подразделений племен до таифа включительно. [38] Все они имеют свои названия. Что касается племен, то их число только в пограничной с Пакистаном полосе достигает 100. [39] Наиболее крупными племенными объединениями являются дуррани (до 1747 года оно называлось «абдали») и гильзаи.

По установившейся в Афганистане традиции, корни генеалогического дерева дурраниев ведутся от Сарбана, [40] его сына Барака и внуков Садо, Попаль, Алько, Ацака (Ачака), Мухаммада, Нура и др. По их имени названы основные племена (кланы) дуррани.

Основным районом обитания племен дуррани являются юго-западные и западные провинции Афганистана. Их численность ориентировочно составляет более 2 млн. человек. Они разделяются на две главные ветви: зирак (проживают в районе Кандагара) и панджпаи (расселены в районе Гиришка и Шинданда). К первой ветви относятся племя баракзаи и его кланы [41] (часто их также называют племенами) – попальзаи, ачакзаи (ачакзаи), алькозаи, мусазаи, садозаи, мухаммадзаи, а ко второй – нурзаи, ализаи, исхакзаи, маку и хугиани (последние живут в районе Джалалабада и к юго-востоку от него). Указанные пле-

мена делятся, в свою очередь, на более мелкие группы. Так, к примеру, племя нурзаев только на территории небольшого уезда Гулистан (на востоке провинции Фарах) распадается на группы джамалзай, халалзай, хаджазай, хочазай и баризай. По оценке 1985 года, численность каждой из этих групп колебалась от 60 семей (хочазай) до 600 (джамалзай). Вместе с тем следует заметить, что племенная система у дурраниев больше, чем у других пуштунских племен, в частности гильзаев, подверглась разложению и к концу XX в. утратила на некоторых ярусах свои прежние структурные черты.

Основные занятия дуррани – земледелие и кочевое скотоводство. Характерной чертой их перекочевок с зимних на летние пастбища является то, что они осуществляются в основном на небольшие расстояния, в пределах географических районов расселения дурранийских племен. Среди дурраниев весьма престижной считается государственная служба, в том числе и военная. Их представители традиционно, начиная с образования афганского государства в XVIII в., составляют основную часть правящей элиты и госаппарата на всех его уровнях. Так, все афганские монархи от Ахмад-шаха (1747-1773 гг.) до М.Захир-шаха (1933-1973 гг.) принадлежали к дуррани (садозай и мухаммадзай).

Гильзай, согласно легендарной генеалогии, ведут свое начало от Бетаная и входят в группу батани. Они, как и дуррани, подразделяются на две основных ветви: туран (в нее входят племена тохи, хотаки и др.) и буран (племена сулейманхель, алихель, андар, тараки и др.). Их общая численность – свыше 1,5 млн. человек. Самое крупное из гильзайских племен – сулейманхель (приблизительно до 0,5 млн. человек). Оно включает в себя четыре подразделения: кайсархель и исмаилзай (занимают земли к югу и западу от Газни), султанзай (земледельцы: живут в долине Логар и Майдане) и ахмадзай (кочевники). [42] Большая часть гильзаев ведет кочевой образ жизни. Основными районами их обитания (зимовок) являются Газнийское плоскогорье до Калати-Гильзай на западе, провинция Логар, Майдан (к западу от Кабула), Пактия и Джалалабадская долина на востоке. На лето они откочевывают в провинции Бадахшан, Бамиан и Фарьяб, а также в Кухистан и Кухдаман. Занимаются овцеводством, верблюдоводством, кочевой торговлей и земледелием.

Среди пуштунов Афганистана особое место занимают так называемые «пограничные племена», расселенные вдоль афгано-пакистанской границы. Их общая численность определяется в 2,185 млн. человек. [43] Они распадаются на многочисленные, обособленные друг от друга и постоянно враждующие между собой племена. Численность каждого из них колеблется, как правило, от нескольких десятков тысяч до 150 тыс. человек и более. К ним относятся племена сафи, шинвари, моманд (бар-моманд и куз-моманд, т. е. равнинные и горные), чамкани или цамкани, джадран, джаджи или дзадзи, хостваль, мангал, тури, вазирри, вардак и др. Для многих из указанных племен характерно деление на ветви и более мелкие группы. Так, мангалы подразделяются на две ветви – «белые» и «черные», а также вторичные структуры (подплемена) – джани-мангал и муса-мангал. Муса-мангал делится, в свою очередь, на группы хаджури, вардари, миралхель, йаби и т. д. В соответствии с легендарной генеалогией, многие пограничные племена (джадран, мангал, вардак, оракзай, джаджи, африди, хаттак, утманхель и др.) относятся к группе карлани (каррани). [44] Часть пограничных племен живет в Пакистане.

Второй по численности этнической общностью Афганистана являются **таджики** – древнейшее оседлое, земледельческое население страны. В их среде сложилась довольно значительная прослойка национальной торговли и предпринимательской буржуазии, государственных служащих, интеллигенции, ремесленников. Они проживают преимущественно в северных, западных и центральных провинциях и в большинстве городов страны. К примеру, в столице и ее провинции таджики составляют около 48 % всего их населения, в провинциях Парван – 67, Каписа – 51, Бадахшан – 75, Тахар – 45, Баглан – 48, Герат – более 44 %. Таджики не имеют родоплеменной организации, однако сохраняют деление на этнографические (региональные) группы, как-то: гури, дехвари, герати, панджшери, кабули, бадахши, сардехи, яфтали и др. Особую группу составляют припамирские таджики – рушанцы, горанцы, ваханцы, сангличцы, шугнанцы, ишкашимцы, зебакцы, мунджанцы. Они говорят на языках и диалектах, входящих в восточноиранскую группу индоевропейской семьи языков.

Третье место по своей численности среди народов Афганистана занимают **хазарейцы**. В их этногенезе просматривается влияние, по крайней мере, четырех элементов: тюркского, монгольского, таджикского и пуштунского. Влияние последнего особенно заметно во внешнем (европеоидном) облике хазарейцев, проживающих в провинциях Газни и Урузган. Все хазарейцы говорят на языке дари. В их лексиконе, однако, сохраняется небольшое количество (до 10 %) тюркских и монгольских элементов. Как уже отмечалось, они проживают в обширной центральной горной части Афганистана, в частности в провинции Бамиан (более 232 тыс. человек, или 82,8 % всего населения провинции), Газни (303 тыс., 45 %), Урузган (261 тыс., 56,2 %), Вардак (120 тыс., около 40 %), Гор (около 75 тыс., 21%), Кабуле и провинции (209 тыс., около 14 %). [45] Часть хазарейцев живет в других провинциях (Парван, Баглан, Саманган, Балх, Джаузджан, Герат и др.), а также в большей части городов. Они ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием, скотоводством, ремесленными и кустарными промыслами, торговлей. Имеется у них и своя интеллигенция, и экономически состоятельная верхушка. В последние десятилетия тысячи хазарейцев пополнили ряды промышленных и строительных рабочих. В Афганистане это – одна из самых, пожалуй, обездоленных и дискриминируемых этнических групп. Уделом ее представителей является выполнение, как правило, самой тяжелой и непрестижной работы – дворников, водоносов, грузчиков, хлебопексов, лотошников, старьевщиков, кожевников, банщиков, мордешуев (обмывальщиков покойников), чернорабочих, прислуги и т. п. В общественном укладе хазарейцев сохраняются пережитки родоплеменного строя, деление на племена и другие подразделения. Среди них наиболее крупными являются племена джагури, бехсуди, урузгани, дайзанги, дайкунди, пулади, якауланг, шейх-али и др.

Тюркские народы Афганистана, проживающие преимущественно в равнинных, предгорных и горных районах к северу от Гиндукуша, почти повсеместно представляют меньшинство населения. Лишь узбеки в провинции Фарьяб составляют более половины (55,9 %) ее жителей. Основная масса узбеков живет до-

вольно компактными общинами в провинциях Бадахшан (в районе г. Джурм), Тахар, Баглан, Кундуз, Саманган, Балх, Джаузджан и Фарьяб. Почти все они оседлые земледельцы. Туркмены расселены в узкой полосе вдоль границы Афганистана с Туркменией, Узбекистаном и отчасти Таджикистаном. Более чем половина из них составляют мигранты (мохаджеры) и их потомки, бежавшие в Афганистан из Средней Азии в 20-30-х годах в ходе басмаческого движения. Расселение туркмен носит очаговый характер. При этом по данным оценки 1985 года, более 71 % из них (около 240 тыс. человек) населяют северные районы провинций Джаузджан, Балх и Фарьяб. Вторая большая туркменская община (более 57 тыс. человек) сосредоточена в провинции Кундуз. Большинство туркмен – скотоводы (кочевники и полукошачники). Часть их – оседлые земледельцы и искусные ковроуткачи. Они, как, впрочем, и часть узбеков, киргизов, афшары и др., продолжают сохранять остатки родоплеменных и региональных структур. Афганские туркмены делятся на племена теке (провинция Герат), салор и сарык (Фарьяб), эрсари (Джаузджан), али-эли. [46]

Родоплеменная организация является характерной и для многих других этнических групп Афганистана – нуристанцев, пашаев, белуджей и др. В целом этническая неоднородность, незакрепленность районов расселения различных народов административно-территориальными границами, существующие исторически сложившиеся острые межнациональные и межплеменные противоречия остаются в стране постоянно действующим дестабилизирующим политическим фактором, приводящим порой к острым, в том числе и вооруженным, конфликтам. Глубокий раскол на этнонациональной почве в Афганистане проходит не только по линии пуштуны-непуштуны, но и между дурраниями и гильзаями, пуштунами Кандагара и Пактии, между отдельными пограничными племенами. Кроме того, пуштуны ревностно оберегают свою независимость, автономный статус и архаичный образ жизни, нередко вступают в конфликты и с центральной властью. Зона пуштунских племен была и продолжает быть своеобразной пороховой бочкой, готовой взорваться от любой случайной искры. Следует заметить, что центральное правительство во все времена никогда полностью не владело обстановкой в указанной зоне.

ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ, ПРАВЫ, БЫТ [47]

Глубокая приверженность обычаям и традициям, веками установившимся нормам поведения, морали и быта давно стали для народов Афганистана характерной национальной чертой. Обычаи и традиции, вместе с религией, до сих пор во многом определяют менталитет общества, особенно на его низших социальных уровнях, и являются не просто неоспоримым канонem в жизни людей, мерилom оценки их поступков и событий окружающего мира, но и предметом их национальной гордости и достоинства, олицетворением завещанной предками автохтонной культуры и самобытности. Обращение к обычаям и традициям в афганском обществе, прежде всего среди внегородских жителей, – явление повседневное. Их ревностно оберегают от любых нарушений и оскорблений. Говоря словами Ж.Жореса, для народов Афганистана «сохранение традиций – это не сохранение пепла, а поддержание огня».

Своеобразный уклад жизни народов Афганистана, их духовные, нравственно-этнические ценности уходят своими корнями к обычному праву (адату) и многим доисламским верованиям. Впоследствии к ним добавились нормы и установления ислама. Однако в условиях многонационального Афганистана, где каждый этнос имеет свою историю, уровень социально-экономического развития и свои культурные традиции, нельзя говорить о какой-либо одинаковости их образа жизни и духовных ценностей, в том числе и тех, которые непосредственно связаны с адатом. Для одних, детрибализированных этносов обычаи и традиции и их соблюдение утратили свое изначальное значение и носят скорее ритуальный характер, для других же, сохраняющих родоплеменную организацию и традиционную систему отношений, они продолжают оставаться постоянно действующим сводом поведенческих, духовно-нравственных и правовых норм. В связи с этим, не имея возможности изложить специфические особенности и черты жизни и быта различных народов Афганистана, автор ограничивается рассмотрением в основном обычаев и традиций пуштунов (афганцев), [48] соблюдаемых не только в обширном регионе их расселения, но и за его пределами некоторыми другими народами.

Совокупность обычаев, нравов, традиций и нравственно-этнических норм и принципов афганцевшла свое воплощение в **пуштунвали (пуштунв́алай)**. Пуштунвали (в переводе с пушту – «образ жизни пуштунов») – это неписанный кодекс чести и достоинства афганцев, основы их психологии и самосознания. Его основными принципами являются:

- чувство собственного достоинства и национальная гордость (гайра́т);
- честь, репутация, доброе имя (нанг-о-наму́с);
- набожность, добросовестность и порядочность (имандарӣ);
- упорство и целеустремленность (саба́т и истикама́т);
- равенство (мусава́т);
- компенсация (бада́л).

Пуштунвали предписывают афганцу самоотверженно защищать свою родину, предоставлять убежище и защиту всем, независимо от их веры и социального статуса, оказывать гостеприимство каждому, даже своему смертельному врагу, обеспечивать помощь, защиту и покровительство своим сородичам и соплеменникам в экстремальных ситуациях, почитать старших, отвечать добром на добро и злом на зло. В нем отражены формы и способы внутреннего самоуправления на всех уровнях племенных структур, морально-этические нормы и правила поведения, семейно-бытовые отношения, обряды, связанные с браком, рождением ребенка, смертью и т. д. Многие обычаи, зафиксированные в пуштунвали, приобрели характер социально-правовых норм.

Пуштунвали – предмет особой национальной гордости, а также и священная обязанность афганцев. Каждый из них должен уважать и беспрекословно выполнять все его принципы и требования, рискуя в противном случае навлечь на себя и членов своей семьи позор бесчестья, а иногда и изгнание из деревни, сожжение или разграбление дома или отлучение от церкви. Святость обычаев и обязательность их выполнения выражена в афганской пословице: «Оставь родину, но не оставь обычаи».

Нормы и установления пуштували носят всеобъемлющий характер. Как заметил бывший министр по делам народностей и племен Афганистана С.Лайек, «не найдется ни одного случая в жизни племен, для которого не имелось бы соответствующей правовой нормы». [49] Право толковать пуштували и определять его применение в каждом конкретном случае принадлежит племенным авторитетам-знатокам норм обычного права (на пушту они называются «джиргамар», «нархай», «нархгозар»). В их роли выступают умудренные жизненным опытом и наделенные организаторскими способностями старцы («белобородые» – «ришсафидан»). Они выступают на джиргах в качестве своеобразных племенных судей, воплощающих в себе и судебную, и законодательную власти.

Джирга – важнейший элемент социально-политической организации пуштунов, орган их племенного самоуправления и правосудия, создаваемый по мере необходимости для решения какого-либо важного вопроса. Она не является официальным государственным органом. Джирга (букв. – «круг», «сходка») в соответствии с решаемыми задачами имеет два уровня: сабха-джирга и самти-джирга. Сабха-джирга занимается обсуждением и решением внутренних проблем, касающихся одного селения или рода, например, примирительным разбирательством спор, улаживанием конфликтов по вопросам распределения воды и земли или пользования общинными угодьями, наказания нарушителей обычаев и принятых соглашений и т. п. Заседания джирги проходят гласно, с участием всех желающих, включая и женщин. Что касается самти-джирги, то она призвана решать задачи внешнего порядка, затрагивающие отношения и связи рода и племени с соседями или центральными властями. В такой джирге участвуют только племенные и родовые старейшины и влиятельные представители духовенства. [50] По сути дела, самти-джирга – это совет авторитетов, действующих от имени и в интересах своего рода или племени. В любом случае джирга – орган временный, прекращающий свое функционирование после того, как ей удастся или же не удастся решить поставленный вопрос.

Одна из важных функций племенной джирги – разбор уголовных дел. Хотя в соответствии с предписаниями шариата и светского законодательства Афганистана, вопросы об убийстве относятся к компетенции государственных судебных органов, в зоне племен подобные дела решаются в основном на джирге в составе двух (или другого четного числа) джиргамаров, являющихся поверенными заинтересованных сторон (истца и ответчика).

Местом проведения джирги служат михманхана (гостевой дом), мечеть или площадь деревни. Согласно традиции, на джирге не предусматривается какого-либо выборного или назначаемого председателя. Она открывается чтением нескольких аятов из Корана. Затем один из авторитетных членов джирги после произнесения традиционной мусульманской формулы «бисмилла ор-рахман ор-рахим» («во имя Аллаха милостивого и милосердного») излагает суть рассматриваемого вопроса. При этом он (впрочем, как и все выступающие) в подкрепление своих доводов обязательно приводит древние пословицы и поговорки, ссылки на Коран и хадисы, разного рода исторические прецеденты, что у афганцев считается мерилом мудрости и убедительным доказательством сказанного.

На заседании джирги каждый из присутствующих пользуется полной свободой высказывать свое мнение. Однако категорически запрещается говорить в непристойной форме, употреблять грубые слова и ругательства, оскорблять кого-либо словом и действием. Если это случается, члены джирги выносят порицание нарушителю правил приличия, что в глазах афганцев считается большим позором, или даже налагают штраф. Заседание джирги продолжается обычно в течение одного или нескольких дней, а иногда и недель, до тех пор, пока не будет найдено приемлемое, справедливое и удовлетворяющее всех, единодушное решение. У пуштунов не принято голосовать поднятием рук. Решение принимается, когда против него со стороны присутствующих не поступает возражений. Принцип консенсуса – основа в деятельности джирги, важнейший элемент джирговой демократии.

Решение джирги объявляется от имени всех ее членов в присутствии истца и ответчика и их сородичей (соплеменников) и является окончательным и обязательным для всех. Никто не имеет права уклониться от его выполнения. Неподчинение воле джирги влечет за собой наказание штрафом («нага»), взимаемым натурой в виде барана, коровы и т. п. Иногда в особо тяжелых случаях неповиновения по решению джирги дом нарушителя предается сожжению, а сам он изгоняется из деревни. В честь успешного завершения работы джирги режут барана или другое животное и устраивают пышный обед. Расходы на него несут обе спорившие стороны.

С возникновением афганского государства межплеменная джирга стала элементом государственного строя (надпарламентским органом) и получила название Лоя джирги («Большой джирги»). Согласно конституции 1987 года, в ее состав входили: члены парламента, правительства, Верховного суда, Конституционного совета и исполкома Национального фронта страны, генеральный прокурор и его заместители, по 10 человек, избранных от каждой провинции, губернаторы провинций и мэр Кабула, до 50 человек из числа видных политических, общественных, научных и духовных деятелей, назначаемых президентом Афганистана по представлению секретариата Национального фронта. К компетенции Лоя джирги, по указанной конституции, относились: принятие конституции и внесение в нее поправок; избрание и принятие отставки президента Афганистана; согласие на объявление войны и перемирия; принятие решений по наиболее важным вопросам, связанным с национальной судьбой страны. [51]

В структуре пуштуновской племенной организации важная роль принадлежит **хану** (вождю) племени и рода. Этот пост занимают представители экономически состоятельной племенной знати как на основе выборности (самовыдвижения), так и по наследственному праву. В его обязанности входят обеспечение мира и безопасности в зоне расселения племени, защита материальных интересов и чести соплеменников, выполнение посреднических функций в решении внутрплеменных споров, командование племенным ополчением, осуществление сношений с другими племенами и государством и т. п. Хан принимает активное участие в деятельности джирги. [52] Несмотря на его большую власть и влияние среди соплеменников, хан у пуштунов является, однако, не всевластным автократом, а скорее общественно признанным лидером

и полпредом, ограниченным в своих правах и действиях нормами джирговой демократии. Его зависимость от джирги усилилась в годы гражданской войны 70-90-х годов XX в., когда решения многих социально-экономических, политических и военных проблем потребовали коллективного разума и коллективной ответственности. В этих условиях во многих пуштунских племенах власть хана стала все больше растворяться в совете старейшин и сливаться с последним.

У многих других этносов Афганистана, сохраняющих племенную систему, роль джирги (совета авторитетов) принижена по сравнению с ролью хана (старейшины) рода – племени. У нуристанцев, к примеру, исключительно широкими полномочиями и независимостью в своих действиях пользуется джаст – старейшина общины. Чтобы стать им, необходимо устроить для соплеменников «великое пиршество» («мальбар»), что, естественно, по карману только состоятельным людям. Лицо, получившее титул джаста, наделяется правом сидеть на особом рода табурете (поэтому мальбар иногда называют «пиром табурета»), получать на всех пиршествах при дележке мяса большую и лучшую долю, выступать во время танцев в первом ряду вместе с другими знатными людьми, но, главное, решать все внутренние проблемы членов общины и осуществлять ее внешние связи.

Еще одним элементом социально-политической организации пуштунов является **племенное ополчение** (лашкар, мелиша, ковваи кауми). [53] Оно создается и функционирует в каждом отдельном племени, хотя при определенных обстоятельствах может включать в себя и представителей различных племен. Данные о численности пуштунского ополчения в Афганистане никогда не публиковались. Однако, по приблизительным оценкам, только крупные племена в полосе к югу от линии Джалалабад – Газни – Кандагар могут в целом выставить не менее 350-400 тыс. вооруженных ополченцев, причем более 200 тыс. из них в районах Хоста, Гардеза и к югу от Газни.

Племенное ополчение используется в качестве традиционного инструмента насилия в системе неспокойных межплеменных отношений, для охраны и обороны зоны расселения племени и его угодий от посягательств со стороны соседей, а также как сила для противодействия попыткам центральных властей ограничить «племенную вольницу». Кроме того, ополчения племен всегда были важным элементом в военной политике прежних монархического и даудовского режимов. Рассматривая вопросы обороны страны и обеспечения безопасности южных и восточных границ, они неизменно делали большую ставку на военную организацию племен. Последней отводилась роль вооруженного резерва для пополнения рядов армии в случае военной опасности, а также партизанской армии, готовой в любую минуту действовать в тылу противника при его вклинении в пограничные районы страны. В мирное время на ополчение племен возлагалась задача охраны государственной границы, особенно ее восточного и южного участков.

Пуштунские племена, особенно кочевые и полукочевые, всегда имели и продолжают иметь большое количество огнестрельного оружия, включая винтовки, автоматы, пулеметы, и даже артиллерию. Ополченцы – прекрасные и храбрые воины. Они обладают такими боевыми качествами, как большой физической выносливостью и неприхотливостью в быту, умением владеть холодным и стрелковым оружием, способностью стремительно передвигаться по горно-лесистой и горно-пустынной местности, дерзко и молниеносно нападать мелкими группами на численно превосходящего противника и так же быстро исчезать с поля боя после выполнения задачи.

Необходимо подчеркнуть, что афганская королевская армия вплоть до начала 60-х годов во многом по своим боевым возможностям уступала военной организации племен. Только в последующие десятилетия, когда в Афганистане была создана современная, хорошо вооруженная армия, центральное правительство получило в свои руки силу, способную противостоять воинственному племенному ополчению. Однако при новом соотношении сил племенные лашкары продолжали представлять серьезную силу во внутриафганских делах, с которой нельзя было не считаться. Это со всей очевидностью показал межплеменной конфликт 1968-1969 гг. в Пактии, когда афганская армия, несмотря на военно-техническое и численное превосходство, длительное время не могла овладеть положением и восстановить мир в данном районе. Это же подтвердили трагические перипетии последней гражданской войны в Афганистане.

Чтобы сделать пуштунские племена лояльными центральной власти и обеспечить спокойствие и мир в зоне их расселения, монархический режим в 60-х годах предпринял ряд административных, военно-организационных, экономических и политических мер. С этой целью в Пактийской, Нангархарской и Кандагарской провинциях была усилена военная форма правления: здесь военная и гражданская власть была сосредоточена в руках генерал-губернаторов и подчиненной им военной администрации. Влиятельные представители племенной знати стали широко привлекаться на государственную службу, как правило, вне пределов расселения племен. Правящим кругам страны удалось внедрить в ополчение армейскую организационную структуру – деление на отделения, взводы, роты и батальоны, а также и новые, армейские звания при сохранении старых. Некоторые из командиров племенных формирований продолжали носить почетные офицерские и генеральские звания («эзази»), полученные ими в прежние годы за заслуги перед монархией: генеральские – наиб салар (помощник командующего), джарнаил (генерал), бригад (бригадный генерал); и офицерские – карнаил (полковник) и кифтан (капитан). Новые воинские звания, введенные в 60-х годах по указу короля Захир-шаха, были идентичны армейским. Лица, удостоенные таких званий, зачислялись в кадры вооруженных сил страны и получали довольствие, привилегии и льготы, предусмотренные законодательством для офицерского корпуса. Небольшая сумма денег ежегодно выплачивалась из казны и каждому рядовому ополченцу. Впрочем, попытки купить лояльность племен и сделать их если не союзником, то хотя бы не противником упорно предпринимались всеми последующими афганскими режимами.

Пуштунские племена традиционно пользуются многими другими привилегиями. В частности, они при всех режимах не платили государственные налоги, были освобождены от службы в регулярной армии, сохраняли независимость в вопросах внутреннего самоуправления и т. п.

Как уже отмечалось, регулятором многих сторон жизни, поведения и поступков афганцев является

пуштунвали. Одним из его стержневых обычаев считается обычай «бадал» (компенсация, месть). В нем нашла яркое отражение отличительная черта характера афганцев – нетерпимость к обиде, оскорблению и унижению. Данный обычай предписывает им любой ценой отомстить обидчику и «компенсировать» ущерб, нанесенный их собственности или чести. Афганцы особенно дорожат последней. В этом отношении показательна следующая их поговорка: «Лучше лишиться головы и богатства, чем чести». Основной обычай «бадал» является принцип талиона. Как отмечал афганский профессор Мухаммад Али, «он (афганец – М. С.) не прощает и не забывает обиды. Более того, он предпочитает иметь око за око, зуб за зуб и кровь за кровь». [54] В Афганистане на этой почве продолжают иметь место межплеменные трения, вражда, кровная месть, а иногда и вооруженные столкновения, охватывающие целые районы страны. Подчас небольшая ссора, поводом для которой может послужить, к примеру, недоразумение из-за участка земли или нарушение установленной очередности при поливе полей и т. п., превращается в кровавое побоище с применением кинжалов и ружей и стоит кому-то жизни.

Кровная месть (хунхахи) в пуштунских племенах носит сугубо избирательный характер. В частности, если к убийству причастен соплеменник, то на него, как правило, не распространяется обязательная «плата крови». Однако, если убийца принадлежит к другому племени, то пострадавшее племя считает себя физически и морально униженным и оскорбленным и на основе принципа талиона стремится восстановить свою честь и достоинство. При этом месть нередко направляется не только на убийцу, но и на любого, первого попавшегося под руку представителя племени-обидчика. [55]

Время в вопросе исполнения мести не имеет для афганца большого значения. По данному поводу они говорят, что «если пуштун осуществит свою месть и через сто лет, то и в этом случае он считает, что проявил поспешность». [56] Он жаждет отмщения до тех пор, пока есть силы и возможности для этого. Если отец семейства умирает, не удовлетворив свою месть, то он обязательно завещает ее своим детям. Поэтому кровная месть часто становится тяжелым наследством, а вражда передается из поколения в поколение как самая святая обязанность и долг (на пушту – «пор»), возложенный и завещанный предками.

У некоторых афганских племен, особенно на юге, западе, юго-западе и востоке страны, принято на основе обычая «бадал» с целью прекращения кровопролития и кровной мести отдавать родственникам убитого одну или несколько девушек-невест (или девочек-подростков). Такая компенсация за убийство носит название «платы за мир».

Обычай «бадал» имеет и другую сферу применения. Он требует от всех на добро отвечать добром. Исходя из этого, афганцы считают поведение человека презренным и низким, если он не платит взаимностью за оказанную ему услугу, помощь, угощение и т. д. К примеру, приглашение в гости обязательно должно быть «компенсировано» тем же. Это правило, как и месть, стало среди афганцев своеобразной традицией и обязательной нормой поведения.

Правовые нормы, связанные с компенсацией за убийство, ранение, увечье, оскорбление и т. д., подробно разработаны в своде обычного права исахелей (ветвь ахмадзаев). Им, наряду со своими нормами обычного права, пользуются и другие афганские племена.

По обычному праву ахмадзаев [57] за убийство взыскивается «цена крови» («хун»), составляющая 3500 кабульских рупий. [58] Если же родственникам убитого отдают девушку-невесту («гветлака»), [59] то она приравнивается к 2/3 хуна, а девочка-подросток – к 1/3 его. Оставшаяся доля возмещается наличными деньгами. Следует подчеркнуть, что родственники убийцы с целью сохранения мира всегда стремятся «породниться» с пострадавшей стороной, но не прибегать к денежной компенсации, так как, по укоренившемуся в сознании афганцев представлению, «любая сумма денег, какой бы большой она ни была, не может удержать афганцев от кровной мести». [60]

Если же человек, получив возмещение за убийство, тем не менее прибегает к кровной мести, то он обязан возратить полученный хун и дополнительно выплатить большую сумму денег в виде штрафа, который назначает джирга за нарушение обычая «бадал». При новом повторении убийства джирга отказывается от посредничества по умиротворению враждующих сторон. В этом случае конфликт решается путем применения кровной мести.

Если джирга примет решение о применении смертной казни к убийце и если последний при похоронах возьмет на плечо одну из сторон деревянной кровати, на которой переносят покойника, а перед погребением ляжет в его могилу, то ему сохраняется жизнь. Однако, независимо от этого, он не освобождается от компенсации за убийство в размере полного хуна.

При соучастии в убийстве с преступников взыскивается один хун и дополнительно 500 рупий золотом в виде штрафа.

Если кто-либо намеренно выстрелит в чьего-либо гостя и ранит его, то он платит сумму за ранение в двукратном размере, а если убьет его, – двойной хун и штраф за бесчестье дому.

Если кто-либо из чувства мести по ошибке вместо хозяина дома убьет гостя, то в этом случае хозяин дома освобождается от уплаты хуна, который он был должен, а убийца выплачивает родственникам погибшего в виде компенсации 500 кабульских рупий.

В соответствии с установившейся традицией, приговор о смертной казни, вынесенный джиргой, приводится в исполнение родственниками убитого. Им же принадлежит право выбирать форму казни.

Размеры компенсации за нанесенные увечья дифференцируются в зависимости от того, куда нанесен удар: в открытую или закрытую часть тела. Компенсации за увечья, нанесенные в открытую часть тела, могут быть следующими:

- если выбьют один глаз, компенсация равна половине хуна, если оба глаза – полному хуну;
- если отрежут нос или ухо, компенсация равняется половине хуна, если оба уха, язык или губу (одну или две) – полному хуну;
- за один выбитый зуб взыскивается примерно 1/10 часть хуна, а за шестнадцать передних зубов – полный хун.

- За увечья, нанесенные в закрытую часть тела, устанавливается следующая компенсация:
- если человек лишится ноги до щиколотки, компенсация равна половине хуна, а обеих ног до щиколотки – хуну;
- за потерю руки до запястья с виновника взыскивается половина хуна, а обеих рук до запястья – полный хун;
- если потеряна нога до колена и выше или рука до локтя и выше, то компенсация за каждую из них равна одному хуну. Компенсация за полную потерю обеих рук и ног составляет, таким образом, четыре хуна;
- если отрежут четыре пальца (кроме большого) на одной руке, то взыскивается полный хун, а на обеих руках – два хуна;
- при потере большого пальца с виновника взыскивается полный хун, поскольку, как указывается в своде обычного права ахмадзаев, «рука без большого пальца непригодна для труда»; [61]
- если же человек в результате полученных ранений умирает, то с виновника взыскивается хун.

Если же убитый, кроме того, подвергнется глумлению и надругательству и у него будет недоставать каких-либо членов тела (руки, ноги, пальцев и т. д.), то в этом случае с виновника берется штраф за бесчестье «шарм» (букв. – стыд, позор, срам), а сумма компенсации увеличивается на один-три хуна.

Суммы за ранения определяются в зависимости от тяжести и от того, каким оружием они нанесены. Ранение ножом в спину не компенсируется, так как такое ранение считается позорным для пострадавшего. В случае ранения кинжалом с виновника взыскивается определенная, устанавливаемая джиргой плата, независимо от тяжести ранения. Если же ранение нанесено перочинным ножом или топором, то размер платы определяется в зависимости от величины раны. Максимальная сумма компенсации устанавливается в том случае, когда рана равна ширине ладони и больше. При ударе камнем минимальная компенсация назначается при кровоточащей ране, а максимальная – в случае кровоподтека. При ранении огнестрельным оружием, если при этом кость не будет повреждена, выплачивается определенная компенсация по решению джирги, а если повреждена – в размере половины хуна. Если кого-либо ударят палкой и при этом он не будет ранен, то виновник платит пострадавшему соответствующую сумму и, кроме того, получает от последнего ответный удар палкой («долг»). Если в пылу борьбы кто-либо нечаянно вырвет у другого лица усы или бороду, то он платит пострадавшему определенную сумму, а если же он сделает это намеренно, то с него данная сумма взыскивается в пятикратном размере. Если ранен или убит старейшина или почетное лицо, то величина компенсации повышается.

Во всех случаях, связанных с выплатой компенсации, обязательно проводится обряд «нынавати». С этой целью несколько убеленных сединой старцев – уполномоченных виновного, держа в руках Коран, идут к дому пострадавшего, преподносят ему барана и умоляют простить виновного. Если же компенсируется убийство, то вместо старцев посылаются две-четыре женщины из семьи убийцы, что в глазах афганцев считается исключительно унижительным для преступника и его родственников.

Афганцы крайне щепетильны в вопросах оскорбления чести женщины. В соответствии с принципом «нанг-о-намус», честь жены рассматривается и как честь и достоинство самого мужа. В обычном праве афганцев предусмотрены различные меры наказания за супружескую неверность, за оскорбление чести и достоинства женщины и нарушение принятых семейных устоев. Так, за увоз чужой жены с виновного (если он не будет убит, так как за такое деяние афганцы предпочитают наказывать смертью) взыскивается хун в семикратном размере.

В случае измены жены муж, руководствуясь афганским кодексом чести, убивает обоих виновных. При этом, если факт измены будет доказан, он не несет никакой ответственности за совершенное убийство. Если при обнаружении факта супружеской неверности один из виновников будет убит законным мужем, а другой скроется и муж в течение года (для мужчины – в течение двух лет) не сумеет убить его, то он (муж) обязан выплатить родственникам убитого (убитой) один хун в виде компенсации «за недоказанное убийство».

Если жена, будучи уличенной в неверности, убежит от мужа к своим родственникам, которые встанут на ее защиту и откажутся выдать ее мужу, то по афганским обычаям они рассматриваются как преступники и к ним может быть применено наказание убийством. В случае если жена укроется в другом доме (родственников, знакомых, друзей или даже незнакомых лиц), то хозяин его имеет право давать ей убежище только в течение двух лет и при условии наличия у нее защитника, который бы взял на себя всю ответственность за ее побег. При отсутствии такого защитника или в случае укрывательства свыше двух лет, а также при отказе хозяина дома от переговоров со старейшинами племени по этому вопросу, собираются соплеменники и подвергают этот дом сожжению и разграблению.

Если жена войдет в чей-либо дом и останется там, то этот случай также рассматривается как увоз чужой жены и карается убийством хозяина дома или взысканием с него хуна в семикратном размере.

За изнасилование виновному отрезают ухо или нос или же публично раздевают догола. Если же при этом он умрет, то с убийцы (истца) взыскивается половина хуна и еще половина хуна в виде штрафа.

Различные виды наказания предусматриваются за умыкание невест и девушек. Так, за насильственный увоз невесты жених обязан отдать семье тестя девочку-подростка. Если же похищение невесты было осуществлено с ее согласия, то в этом случае ограничиваются лишь извинением перед тестем. За насильственный увоз девушки с виновного взыскивается хун в качестве платы за сохранение ему жизни и половина хуна в виде штрафа за позор и бесчестье девушки. Если же девушка согласна выйти замуж за похитителя, собирается джирга, которая назначает двойной калым.

Афганские обычаи не рекомендуют вдове выходить замуж второй раз, если у нее имеется хотя бы один ребенок. В случае бездетности или по другой причине она может стать женой только одного из близких родственников своего прежнего мужа: брата, двоюродного брата и т. д. Однако если таковых не окажется, то для нее находят мужа в своем же племени. Афганская традиция запрещает вдове выходить за-

муж за иноплеменников. Если это и случается, то новый муж в соответствии с национальными обычаями обязан «отдать долг» родственникам ее первого мужа в виде девушки-невесты (в некоторых племенах обычай предписывает отдать замужнюю женщину).

Обычай «бадал» предусматривает также компенсацию за ущерб, нанесенный собственности и имуществу. Так, за поджог чужого дома с виновного взыскивается стоимость сгоревшего имущества и штраф за бесчестье, причиненное дому. Взимается определенная плата и за разрушение стены и дверей дома. За поджог шатра кочевника виновник должен уплатить его владельцу стоимость сгоревшего имущества и дополнительно определенную сумму штрафа, а также принести ему свои извинения. Такая же кара предусматривается и за хищение имущества из шатра кочевника.

За потраву посевов берут их цену в четырехкратном размере. За угон мелкого и крупного рогатого скота взыскивается его цена в девятикратном размере. В таком же размере карается хищение домашней птицы и охота на нее с ружьем. Если чья-либо собака задушит курицу, гуся, индюшку и т. п., то с ее хозяина взыскивается цена птицы в двукратном размере. Если кто-либо по ошибке убьет собаку, то он обязан отдать ее хозяину барана и уплатить определенную сумму в виде штрафа. За преднамеренное убийство собаки с виновного берется хун или же по отношению к нему применяется кровная месть. За отрезание корове хвоста взыскивается штраф. Еще более значителен штраф с того, кто отрежет хвост ослу.

Если кто-либо пустит воду на свой участок вне очереди и при этом не произойдет драки, то он платит штраф. В случае драки с него, кроме того, взыскивается определенная плата за нанесенные ранения и увечья (если таковые будут). Если же в данной драке получит ранение сам нарушитель очередности полива, то ему не платят никакой компенсации, а лишь выражают извинение. За ранение, нанесенное владельцу очереди на полив, виновник обязан уплатить 85 кабульских рупий.

Обычай «бадал» устанавливает различные меры наказания за нарушение этических норм. Так, за оскорбление словом кого-либо из почтенных и уважаемых людей в ходе работы джирги берется штраф в размере 80 кабульских рупий, а за оскорбление действием – 180. Если кто-либо схватит другого за бороду, то с него взыскивается 90 кабульских рупий. Если кто-либо в драке вырвет у другого ружье, кинжал или другое оружие, то он обязан возратить их владельцу и, кроме того, принести ему извинение, отдать барана и уплатить 110 кабульских рупий в виде штрафа.

При похищении какого-либо имущества у гостя с виновного взыскивается его стоимость в двукратном размере. Если же украденное имущество будет возвращено, то в этом случае хозяину дома уплачивается его стоимость и 85 кабульских рупий в виде штрафа за позор и бесчестье дома.

Если кто-либо даст обещание прийти в гости, но, несмотря на это, не придет, он обязан принести свои извинения хозяину дома и заплатить ему в виде компенсации за материальный и моральный ущерб 150 кабульских рупий. Если хозяин дома, пригласив кого-либо в гости, займет деньги на угощение у врага последнего, то гость вправе убить хозяина или потребовать от него возмещения морального ущерба в размере одного хуна. За нарушение обычая проводов («бадрага») с виновного берется баран и 300 кабульских рупий.

В соответствии с обычаем «бадал» подлежат оплате услуги джирги. Каждый ее член, приглашенный для разбора какого-либо дела, имеет право на получение 54 кабульских рупий. Кроме того, с лица, получившего по решению джирги какую-либо компенсацию, взыскивается 50 кабульских рупий, которые затем распределяются между членами джирги в качестве «вознаграждения за труд» или же на них покупается баран и устраивается коллективный обед.

Затянувшиеся долговые споры среди афганцев разрешаются на основе обычая «**барамта**» (букв. – «захват», «угон»; тюрк. – «баранта»). В случае, когда должник отказывается по каким-либо причинам отдать долг, кредитор, руководствуясь данным обычаем, тайно похищает у него имущество, угоняет скот или захватывает заложника. Затем он сообщает об этом должнику, требуя немедленно возратить долг. До тех пор, пока долг не будет возвращен, похищенное имущество или заложник находятся у кредитора в качестве залога.

Обычаем «барамта» широко пользуются для освобождения арестованных и заключенных соплеменников. С этой целью похищаются государственное имущество или правительственные чиновники, а затем добиваются от властей их обмена на требуемых лиц.

«Барамта» может обретать и форму залога. К примеру, когда члены джирги, беря на рассмотрение какое-нибудь щекотливое дело, бывают не совсем уверены, что их решение удовлетворит обе конфликтующие стороны, то требуют, чтобы последние внесли залог натурой и деньгами, называемый «барамта». Если решение джирги устроит их, то он возвращается им полностью. В противном же случае залоговые деньги и имущество конфискуются и передаются на нужды племени». [62]

Одной из наиболее характерных черт афганцев является их любовь к свободе и независимости. «Афганцы, – подчеркивал в свое время Ф.Энгельс, – храбрый, энергичный и свободолюбивый народ». [63] Как отмечал профессор Мухаммад Али еще в 60-х годах, «афганцы скорее будут безропотно переносить невзгоды и нищету, чем согласятся на иностранное господство, каким бы прогрессивным или многообещающим оно ни было». [64]

Народы этой страны никогда не мирились с иностранным господством и вели упорную и мужественную борьбу за свое национальное освобождение. Свободолюбивый дух афганцев особенно проявился в борьбе против английских колонизаторов в XIX и начале XX в. и стал предметом их особой национальной гордости. Национальные чувства афганцев задело и советское военное присутствие в этой стране в 80-х годах. Не без массивных усилий антикоммунистической пропаганды, поднятой в мире и регионе, оно было воспринято как угроза национальной независимости и государственности Афганистана. Хотя ради истины необходимо подчеркнуть, что многие в стране, в том числе и те, кто совсем не симпатизировал кабульскому режиму, присутствие советских войск убежденно рассматривали как единственную гарантию от кровавой бани, которую готовили народу грызшиеся за власть различные, поддерживаемые извне воо-

руженные оппозиционные группировки. Жизнь на сей счет после вывода советских войск из Афганистана подтвердила самые худшие ожидания.

Как показывает афганская история, народы этой страны перед лицом угрозы иностранного порабощения, несмотря на острые межплеменные разногласия и вражду, находили в себе силы объединиться в единый фронт борьбы и таким образом обеспечить победу над врагом. Этому в известной мере способствовал своеобразный обычай «**тижа-иходел**» (букв. – «класть камень»). Суть его заключается в следующем: если взаимная вражда между племенами ставит под угрозу их независимость, то они по взаимному согласию временно прекращают враждовать («кладут камень мира»), объединяют свои силы против общего врага и совместно ведут борьбу в интересах своей родины и свободы.

Чувство патриотизма и преклонения перед героическим прошлым своего народа – неотъемлемая черта афганцев. Вряд ли можно найти какой-либо уголок страны, где бы не передавались из поколения в поколение многочисленные легенды и предания о мужественной борьбе далеких предков за свою свободу и независимость.

Афганцы исключительно привязаны к своей родине, своему краю и дому. Это проявляется, в частности, в том, что, умирая вдали от родины, они предпочитают быть похороненными на своем семейном кладбище. Если же по каким-либо причинам тело не может быть перевезено в Афганистан в целом виде, то его расчленяют и доставляют в малогабаритном гробу.

Афганцы, горячо любя свою родину, вместе с тем не пытаются, исходя из этого чувства, приукрасить свою действительность и скрыть перед кем-либо теневые стороны своей внутренней жизни. Но в то же время они не любят, когда кто-либо из иностранцев неодобрительно отзывается о их стране и народе и указывает на их отсталость. Парадоксально и то, замечает Мухаммад Али, [65] что они бывают обижены и в том случае, когда иностранец соглашается с их собственной критикой недостатков и пережитков.

Один из наиболее известных афганских обычаев носит название «**нынавати**» или «**нанг**» (в переводе с пушту «нынавати» означает «вхождение в дом», «просьба о прощении, помощи», а «нанг» – «честь», «позор», «стыд»). В соответствии с этим обычаем оказание помощи и предоставление защиты нуждающимся считается обязательным. Руководствуясь им, человек, жизни, собственности или чести которого угрожает опасность, идет к дому или шатру влиятельного лица и отказывается сесть на ковер и воспользоваться гостеприимством до тех пор, пока не будет удовлетворена его просьба. Честь человека, к которому обращаются за помощью и защитой, будет запятнана, если он откажется оказать ее. Еще более значительна просьба женщины, когда она, оказавшись в беде, посылает афганцу свой платок или чадру и умоляет его как брата оказать помощь и содействие ей или членам ее семьи.

Указанный обычай предписывает афганцу любой ценой защищать каждого, кто нашел убежище под его крышей. Поскольку такая помощь и защита ничем не дифференцирована и имеет всеобщий характер, то ею нередко пользовались и продолжают пользоваться разного рода преступники, чтобы спасти свою жизнь и избежать возмездия. Следует заметить, что многие кровавые столкновения между племенами, а также и с правительственными войсками часто бывают вызваны искренним стремлением афганцев соблюсти и точно выполнить именно этот древний обычай.

Обычай «нынавати» используется также для прекращения вражды и вооруженных конфликтов между отдельными людьми, семьями и племенами. Для этого одна из враждующих сторон, чувствуя себя побежденной и видя бессмысленность сопротивления, посылает посредника к другой стороне и просит у нее мира и пощады. В качестве посредника обычно выступает мулла или сеид, в отдельных случаях старики и женщины. Иногда человек, желающий прекращения вражды, идет к противнику сам вместе со своими детьми и женщинами. При этом он надевает на шею веревку и берет в руки Коран и пук соломы, демонстрируя этим свое миролюбие и просьбу прекратить противоборство. По принятому ритуалу «нынавати» у двери дома лица, к которому обращаются с просьбой о пощаде, режут барана, символизировав таким образом принесение жертвы. Лицо, к которому обращаются с подобной просьбой, обязано проявить рыцарское великодушие и без каких-либо условий принять ее. Отказ в данном случае рассматривается как подлый и неблагородный поступок и как грубейшее нарушение обычая «нынавати» и влечет за собой всеобщее презрение соплеменников.

Афганцы высоко ценят в человеке такие качества, как храбрость, мужество, отвага, самоотверженность. Если обратиться к афганской истории, нельзя не заметить, что указанные достоинства требовал и одновременно воспитывал весь прошлый образ жизни афганцев и не в последнюю очередь их «промысел войны». Как известно, в средние века афганцы традиционно принимали участие в грабительских войнах и завоеваниях в качестве наемников у феодальных правителей от султана Махмуда Газневида до Надиршаха Афшара, а затем и в составе войска своих, афганских, монархов. Кроме того, обитая в непосредственной близости от путей индийской сухопутной торговли, они, наряду со скотоводством и кочевой торговлей, испокон веку занимались разбоем на дорогах и ограблением местного оседлого населения. Об этом их неправедном «промысле» писали многие путешественники и историки. Так, еще в начале XI в. Утби, историограф султана Махмуда Газневида, характеризовал афганцев, как живущих «на высочайших скалах и занимающихся грабежами в окрестных ущельях». [66] «Большая часть из них разбойники», – свидетельствовал арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший Кабул в 1331 году. [67] Английский путешественник Ричард Стил, побывавший в 1615 году в Кандагаре, дополнил их характеристику. «Эти Кандагарские горы, – сообщил он, – населены свирепым народом по имени агваны или потаны. Они очень крепки телом и несколько белее цветом кожи, чем индийцы, великие грабители, привычные к тому, чтобы вырезать целые караваны». [68] Наблюдения своих предшественников относительно афганцев подтвердил и оказавшийся в конце XVII в. в Персии француз М.Сансон: «Они воинственны, хорошо стреляют из лука, но являются большими разбойниками, не дающими пощады караванам». [69]

Справедливости ради следует сказать, что афганцы в прошлые века, когда насилие было нормой жизни, не только грабили, но и сами являлись объектом грабежей и налетов со стороны других племен и

разбойных шаек. Все это, вместе взятое, предопределило особые требования к личным качествам мужчины-воина, мужчины-защитника родного очага, нашедшие свое выражение в обычае «**тура и мерана**» («тура» – букв.: сабля, меч, перен.: доблесть, отвага; «мерана» – мужество, храбрость, геройство).

Суть данного обычая заключается в следующем. У афганцев издревле было принято оповещать боем барабана о нападении грабителей и злоумышленников. Услышав этот сигнал, каждый мужчина, способный держать оружие, обязан был незамедлительно прийти на помощь и принять участие в отражении нападения, если даже и придется при этом рисковать своей жизнью. В соответствии с обычаем «тура и мерана», лишь такой человек может заслужить репутацию «меранай» (храбрец, смельчак) и «турйалай» (отважный человек). Тот же, кто уклоняется от явки на поле боя, подвергается, по законам пуштунвали, наказанию: или получает кличку «бигайрат» (малодушный, трусливый, опозорившийся), или же в вторых и особо тяжелых случаях лишается племенной защиты, изгоняется из племени, а его дом предается сожжению. [70] Надо отметить, что отлучение от племени – величайшее для афганца наказание, так как он осознает себя человеком и личностью только и только внутри племени.

Обычай «тура и мерана» требует, чтобы воин на поле боя смело смотрел в глаза опасности и неворачивался к врагу спиной. Победа или смерть в бою у афганцев одинаково считаются почетными. Исходя из этого, они любят подчеркивать, что для истинного пуштуна неприемлема и нежелательна «смерть под одеялом» и что только та смерть может быть достойна его, которая связана с пролитием крови на поле брани. С этим же обычаем связано категорическое требование к женщинам не выражать отчаяния и горя по поводу гибели близких на войне, если у них есть наследники, «способные держать саблю». Если же нет таких наследников, то с горечью говорят, что «саблю (тура) придется поставить в угол». [71]

В понятие «тура и мерана» входят также и обязательные для исполнения правила поведения на войне. Главные из них: не оставлять убитых и раненых на поле боя и не допускать, чтобы они попадали в руки врага и подвергались глумлению, ибо, по представлению пуштунов, «никакая победа не может компенсировать и оправдать оставление убитых и тем более раненых на территории, занятой противником»; [72] незамедлительно оказывать раненым первую помощь и выносить их из-под огня, а убитых хоронить; расстреливать на месте всякого, кто побегит с поля боя. Оставление поля боя считается величайшим преступлением и позором не только для самого дезертира, но и для его родственников и потомков. Убитого в спину не выносят с поля боя и не хоронят, так как ранение в спину считается признаком трусости. В связи с этим, как гласит афганское предание, невеста, провожая суженого на войну, обычно советует ему: «Лучше приходи домой окровавленным, чем невредимым, но трусом», [73] а получив известие о его гибели, первым делом молит Аллаха, чтобы ее жених не был убит в спину и на него не пала тень подозрения в трусости.

В афганских племенах при чрезвычайных ситуациях и вооруженных столкновениях принято на основе принципа «цалвейшти» («сороковка») избирать от 7 до 40 человек в качестве военачальников (на пушту – «мир»), которые, в свою очередь, из своей среды избирают главного военачальника («стар мир»). Последний по своему усмотрению назначает своих заместителей и сотских («арбакай»). В их функции входят выполнение возложенных задач, поддержание дисциплины и порядка среди подчиненных. Иногда принцип «цалвейшти» используется и в обычной (мирной) обстановке, когда, к примеру, необходимо обеспечить охрану скота, лесных угодий, пастбищ, безопасность ночевок и т. п. [74]

С обычаем «тура и мерана» у афганцев связано и отношение к оружию. Как уже отмечалось, в зоне расселения пуштунских племен все совершеннолетние мужчины никогда не расстаются с холодным и огнестрельным оружием. Ношение оружия для них не столько необходимость, сколько древняя традиция, столь же обязательная, как, например, и ношение чалмы или длиннополой рубахи. По глубоко укоренившемуся в сознании пуштунов представлению, оружие – это неотъемлемый атрибут внешнего облика мужчины, олицетворение его мужского и национального достоинства. Вот как об этом сказано в одном из популярных афганских четверостиший:

«Уж если ты оружие не любишь,
Ты – не мужчина больше, так и знай.
Совет тебе: подкрась глаза всего лишь,
И жизнь рабыни слабой начинай». [75]

О том же говорит известная пуштунская поговорка: «Для женщины украшение, а для мужчины оружие – не в тягость».

В связи с этим мне вспоминается беседа с одним мудрым, преклонных лет стариком-пуштуном. Встретили мы его, возвращаясь осенью 1961 года из Пактии в Кабул, на безлюдной дороге в ущелье между Хостом и перевалом Сете-Кандау. На плече он нес тяжеленное, богато инкрустированное перламутром и серебром дульнозарядное ружье. В ответ на предложение подвезти его, он охотно согласился сесть в нашу машину. Естественно, наше внимание привлекло его необыкновенное ружье, произведения, видимо, середины прошлого века. В ходе разговора о качествах этого раритета выяснилось, что у нашего собеседника нет к нему (и уже давно) ни одного заряда. Тут один из нас задал недоуменный и, как потом оказалось, весьма бестактный вопрос: «Тогда зачем же оно нужно?» Старик явно был оскорблен. Гордо расправив плечи, он с достоинством и сдержанной вежливостью, присущими, пожалуй, только пожилым людям, ответил: «А разве я не мужчина?!»... Нам, посрамленным незнанием местных обычаев и традиций, пришлось принести гордому пуштуну искренние извинения за невольно нанесенную обиду.

К «тура и мерана» примыкает обычай «**чига**» (букв. – «крик», «вопл»), означающий призыв о помощи в случаях, когда имуществу или жизни кого-либо из односельчан и соплеменников угрожает опасность. Оказание помощи в данной ситуации рассматривается у пуштунов как дело их чести (нанг) и святая обязанность.

Гостеприимство. Афганцы считают себя самыми гостеприимными людьми на земле. Такой вывод,

несмотря на всю свою категоричность и исключительность, однако базируется на довольно-таки убедительных фактах, характерных для жизни всех слоев афганского общества. Каждый афганец, каким бы бедным он ни был, рассматривает гостеприимство как дело своей чести, репутации и национальной гордости. Причем в этом нет ничего показного и неискренного. Все лица, независимо от их социального положения, религии и национальности, могут рассчитывать на его хорошее гостеприимство. Всякий увод гостя от афганца расценивается как самая большая обида и оскорбление. Но и в этом случае его (афганца) негодование направлено не на гостя, а на того, кто «умыкнул» его (!) гостя.

Афганцы относятся к негостеприимным людям как к нарушителям пуштунвали, как к людям, не уважающим национальные традиции. Пожалуй, для них нет большего унижения, чем обвинение в негостеприимстве.

Где бы вы ни были в Афганистане, вас везде встретят доброжелательными словами «Как ваше здоровье?», «Добро пожаловать!», «Да не знаете усталости!» и обязательно предложат выпить чаю. Гостю предоставляют самое лучшее место за столом (или на ковре) и самую лучшую пищу, которую в состоянии обеспечить и приготовить хозяин дома. За обедом он настойчиво угощает гостя то одним, то другим блюдом, заставляя его «оценить по справедливости» предлагаемое. Правила хорошего тона и афганский национальный этикет требуют от гостя, как бы сыт он ни был, отведать угощение и дать ему высокую и восторженную оценку. В таких случаях объективность суждения неуместна.

В честь гостя обычно режут барана или домашнюю птицу и готовят пищу не только для него, но и на большую группу приглашаемых родственников, соседей и старейшин деревни. Хозяину дома доставляет большое удовольствие получать похвалу гостей по поводу обилия разнообразных блюд и его щедрости. Искреннее желание соблазнить традиционное гостеприимство и прослыть хлебосольным не останавливает афганца перед значительными расходами и зачастую становится причиной его больших долгов у местного богача.

Согласно афганским обычаям, всякий незнакомый человек, вошедший в деревню, считается гостем всех ее жителей. Для приема гостей в каждом селении, каким бы маленьким оно ни было, имеется михманхана. В число обязательных предметов михманханы входит большой очаг, несколько деревянных кроватей (чапаркатов), циновка или палас на полу. Когда подходит время ужина или завтрака, каждый житель деревни несет в михманхану пищу, которую он, исходя из своего достатка, может приготовить. На полу расстилается большая скатерть и все принесенное расставляется на ней. Все садятся вокруг и едят вместе с гостем, угощая его тем, что «бог послал». В заключение гостю предлагают черный или зеленый чай.

Жалоба на длительное пребывание гостя не допускается и считается нарушением традиции. Афганцы рассматривают проводы гостя («бадрагй») обязательной традицией, неотъемлемым элементом гостеприимства, делом своей чести и показателем уважения к нему. При этом считается, что чем больше будет провожающих, тем это почетнее для отъезжающего.

Афганцы по натуре исключительно общительные люди. Они резко осуждают тех, кто ведет одинокий, затворнический образ жизни, сторонится людей и не имеет друзей. При случае они любят подчеркнуть, что «лучше иметь полный дом врагов, чем только одного друга».

Семейный уклад. Важной особенностью жизни афганцев является их система объединенной семьи. В соответствии с афганской традицией, женатые сыновья вместе со своими семьями живут под родительской крышей и полностью подчиняются их власти. Такое положение до сих пор характерно не только для деревни, быт, нравы которой всегда отличаются большой консервативностью, но и для большинства населения афганских городов. Главой семьи является, как правило, отец (или дед). Жизнь объединенной семьи напоминает в какой-то мере общину. Каждый ее член, какой бы ни была его профессия, обязан отдавать все свои доходы главе семьи, из чего и складывается общий фонд (семейная касса). Все домохозяйки имеют одинаковые права на пищу и одежду, а также и деньги на мелкие повседневные расходы, если, конечно, глава семьи соизволит их дать. Расходы на другие цели, связанные с лечением, образованием, женитьбой и т. д., покрываются на счет общего фонда. Такая семейная система имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, она в известной степени гарантирует материальную обеспеченность всех ее членов, поскольку всегда есть кров и надежда на получение средств к жизни за счет взаимопомощи. С другой стороны, эта система с ее уравнительностью культивирует зависимость, лень и иждивенчество среди большей части семьи. [76]

Полной хозяйкой в доме является мать. Ей подчиняются все невестки, внуки и внучки. Личность свекрови (по-афгански – «хошў») на уровне массового сознания в Афганистане воспринимается так же, как и в Европе. Одно это имя, подчеркивают афганские авторы, бросает в дрожь буквально всех молодых женщин, а ее дурное обращение с невестками давно стало притчей во языцех. «Многие афганские девушки, – пишет профессор Мухаммад Али, – заливаются слезами при известии о выдаче замуж не потому, что они отвергают своего мало им знакомого (а иногда и вовсе не знакомого) жениха, а потому, что боятся участи испытать деспотизм и власть свекрови». [77]

Афганцы с большим уважением и почтением относятся к старшим в семье, к убеленным сединами старикам. «Ришсафид» («белобородый») всегда был и остается у них синонимом мудрости и богатого жизненного опыта. Не случайно, когда кто-либо чихает, ему в Афганистане принято говорить: «Пир шавид!» («Да стань старым!»). К советам стариков прислушиваются и поступают в соответствии с их мнением и желанием. Правила хорошего тона предписывают молодым людям молчать, когда старшие разговаривают между собой. Считается признаком наглости и невоспитанности смотреть прямо в глаза старшему по возрасту.

В афганском обществе женщина до сих пор занимает подчиненное, зависимое положение. В последние десятилетия XX в. в Афганистане предпринимались усилия к раскрепощению женщины, освобождению ее от средневековых пут и привлечению к активному участию в общественно-экономической, поли-

тической и культурной жизни страны. Важным рубежом приобщения ее к общественной деятельности стал 1959 год, когда по инициативе правительственных кругов началось движение за снятие чадры. С этого времени тысячи женщин появились в государственных учреждениях, на предприятиях и в сфере обслуживания, ряд из них вошел в правительство и парламент. Портреты женщин начали печататься в газетах и журналах, что до конца 50-х годов считалось совершенно недопустимым. Многие в этом направлении было сделано после революции 1978 года. Однако с приходом к власти моджахедов женщина была снова возвращена в узкий мир семьи, ограниченный жесткими нормами средневековья.

И тем не менее афганские женщины остаются великими труженицами. Они, особенно в сельской местности, вместе с мужчинами участвуют в хозяйственной жизни, выполняют все домашние работы, воспитывают детей. В северном Афганистане самые лучшие и дорогие ковры делаются руками женщин. В некоторых районах они занимаются традиционно мужским трудом. Так, в Нуристане все земледельческие работы, включая и вспашку полей, выполняются женщинами. Дрова заготавливают также они. Удел мужчин там – животноводство. Они содержат коров и коз, которых сами же доят, и обрабатывают молочные продукты. Иногда земледельческие работы в порядке взаимопомощи осуществляются совместно и мужчинами, и женщинами.

Людей с Запада, впервые попадающих в Афганистан, неизменно шокирует вид женщины в чадре. Ее ношение в стране, однако, – явление не повсеместное. Оно встречается в основном в городах. В сельской же местности эта норма почти не соблюдается, так как чадра препятствует женщине выполнять сельскохозяйственные и другие работы. Однако и там при встрече с мужчиной она закрывает лицо концом платка и отворачивается.

В соответствии с шариатом в Афганистане мужчине разрешается иметь до четырех жен. Все они теоретически имеют одинаковые права перед мужем, однако в реальной жизни все обстоит далеко не так. В настоящее время многоженство распространено главным образом среди купечества и других состоятельных лиц. Среди интеллигенции и элитарных слоев оно встречается реже и более того осуждается.

Представление о зависимом, униженном положении женщины-мусульманки вряд ли применимо к афганским кочевницам. Они совершенно раскованны, внутренне и внешне свободны и каждым своим шагом и действием демонстрируют не только свое равенство с мужчиной, но даже и определенное превосходство над ними. Яркую характеристику пуштунской женщине-кочевнице дала Лариса Рейснер, побывавшая в Афганистане в 1921-1922 годах. «Нищие кочевницы, – пишет она, – у которых нет ни дома, ни глиняных стен, ни абрикосового сада, уже совершенно свободны от законов, навязанных прекрасной Айше ревнивым Магомедом. Они живут в просаленных, черных шатрах, раскинутых прямо на жгучем песке. Рожают и растят детей в грязи, в дыму очага, на овчине, острый запах которой так ненавистен насекомым. Прекрасные, как боги, свободные, как все парии, они идут, куда их семья ведет голод. Осенью – к границам Индии, весной – на прохладные горные пастбища Афганистана.

...Эти горцы, установившие для себя исключительное бытовое положение, едва ли не единственное на всем мусульманском Востоке, ревниво оберегают свои независимые границы, не только у себя дома, на Гималаях, но и в городах, на базарах, через которые они проходят, играя красивым оружием, похожие скорее на варваров-победителей, чем на бедняков. Их женщины и здесь не одевают чадры, – сильные, надменные матери, бронзовые женны, на которых не смеет взглянуть ни один законник Большого базара, ни один святой – с плотоядным взором и желтой кожей, испорченной пороком, на виду всего народа совершающий свои молитвенные обряды, – без того, чтобы не наткнуться на горячие глаза и серебряные дула горцев».[78]

Свадебные обряды. В силу консерватизма и строгого разделения полов брак в Афганистане организуется родителями. Будущие жених и невеста не принимают никакого участия в переговорах по этому поводу. Исключением из данного правила в последнее время все чаще становятся семьи из образованных кругов, которые придерживаются новых (западных) взглядов по вопросам семьи и брака.

До свадьбы молодая пара видит друг друга редко, разве что случайно. Считается в высшей степени непристойным для молодого человека или девушки проявлять какую-либо инициативу в вопросах женитьбы или замужества. «Благовоспитанный» юноша, как и девушка, обязан безропотно подчиняться родителям в их выборе. Согласие молодых людей на брак носит чисто формальный характер. Если кто-то из них и возражает против намеченного брака, то его путем уговоров или запугиваний в конце концов заставляют подчиниться. Так что свадьба, задуманная родителями, редко расстраивается.

В Афганистане обычный возраст вступления в брак для юношей составляет 18-20 лет, а для девушек – 13-18. Выдача замуж несовершеннолетних в стране встречается довольно часто и повсеместно, особенно в сельской местности. Сватовство начинается с посещения матерью жениха или его тетей родителями невесты. Отец невесты по афганской традиции считается человеком недоступным и непреклонным в вопросах выдачи дочери замуж. Чтобы уговорить его, приглашают профессиональные свахи, в роли которых обычно выступают вдовы. Они с большим мастерством расхваливают красоту и достоинства девушки и юноши. Если соглашение достигнуто, то встречаются отцы семейств или их представители, чтобы обсудить окончательные детали, связанные со свадьбой. Главным и самым трудным вопросом этой встречи является определение размера калыма (по-афгански – «туяна́», «пишкáи» или «варвáл») и приданого невесты («махр»).

Брак в Афганистане до сих пор рассматривается как акт купли-продажи. Случаи, когда выкуп за невесту не берется, очень редки, и это больше относится к жизни городского, чем сельского населения, где браки совершаются строго по старым обычаям. Величина калыма бывает довольно большой и в 60-70-х годах колебалась от 10 до 200 тысяч афгани в зависимости от сословия и районов страны. Подобный выкуп за невесту выплачивается деньгами и натурой (скотом, коврами, зерном, маслом и т. д.) и носит название «платы за молоко матери» («ширбахá») или «дара за воспитание». Но как бы он ни назывался,

фактически жених вынужден покупать невесту. Следует заметить, что в Афганистане широко распространены родственные браки, а также и перекрестные браки (например, брат и сестра одной семьи выдаются за сестру и брата другой семьи). В этом случае калым не берется.

Невесте принято готовить солидное приданое. Оно в какой-то мере компенсирует расходы жениха на свадьбу и уплату калыма. После решения вопроса о калыме и приданом определяется день помолвки («ширини-хори́ или «намзади́»), где гости угощаются щербетом и сладостями и объявляется о состоявшемся принятии предложения о бракосочетании. Иногда помолвка проводится в самом раннем возрасте. Когда ребенок (имеется в виду мальчик) может отличить «правую руку от левой», его знакомят с девочкой-невестой, нарекают женихом и устраивают празднество. Помолвка проводится в доме отца невесты. Она представляет собой предварительные торжества, связанные с предстоящим бракосочетанием. В одних случаях о помолвке составляется письменный документ, в других – устное обещание считается вполне достаточным. После помолвки стороны обязаны придерживаться соглашения и данного ими слова. Лишь в исключительных случаях она может быть расторгнута.

Обычно через два-три месяца после помолвки назначается день свадьбы, которую принято проводить в доме невесты, а в некоторых племенах и в доме жениха. На свадьбу приглашаются родственники и знакомые обеих сторон. Часть расходов на свадебный наряд невесты и ее украшения, а также и на угощение покрывается за счет жениха, о чем стороны договариваются заранее.

Одним из важных моментов свадьбы является рассматривание лица невесты через зеркало (этот обряд носит название «аинамасса́ф»). Данная процедура – одна из самых значительных для жениха, так как подобным образом он иногда впервые видит свою будущую спутницу. То же можно сказать и о невесте. Ритуал «аинамассаф» следующий. Сначала жениха и невесту, одетых в свадебные наряды, усаживают рядом на небольшом возвышении. Лицо невесты закрыто легкой вуалью. Установившиеся хорошие манеры требуют, чтобы молодая пара не рассматривала друг друга прямо или украдкой. Затем перед ними ставится зеркало и они получают возможность увидеть и посмотреть друг на друга.

Далее девушки в праздничных платьях окружают жениха и невесту. Молодая пара читает какой-либо стих из Корана. Затем жених предлагает своей невесте отведать конфеты, а в некоторых племенах – понюхать сухую пахучую травку. Только после этого он получает право поцеловать свою возлюбленную. Вслед за этим женская половина участников свадьбы под аккомпанемент дойры (бубен) начинают петь и плясать, образуя кольцо вокруг молодых. Песни обычно бывают такого содержания:

О, жених – высокий, как сосна,
А невеста – ярких роз букет.
На голове у нее золотистый платок,
Красивая родинка на подбородке.
Или:
Губы мои нежнее тюльпана,
Но ты меня не поцеловал.
А завтра губы мои увянут,
Как цветов лепестки.

На свадьбу готовится богатое угощение. Обязательными блюдами являются плов, жареная домашняя птица, кебабы, шашилыки и др. Употребление спиртных напитков не допускается, хотя в последние десятилетия этот запрет часто, особенно в городах, нарушался.

Поздно вечером приглашается мулла, который в присутствии свидетелей, старейшин и уважаемых людей проводит обряд бракосочетания. Он громко повторяет имена невесты и жениха и трижды задает каждому из молодых в отдельности вопрос, согласны ли они вступить в брак (у ачакзаев и в некоторых других племенах юга и юго-запада страны согласие молодых на брак передается и подтверждается через их уполномоченных, так как по обычаям этих племен присутствие жениха и невесты во время проведения обряда бракосочетания не допускается). Шариат формально требует согласия девушки на брак. Однако ее молчание, смех или слезы в ответ на вопрос, согласна ли она выйти за такого-то замуж, также считается знаком согласия. От несовершеннолетней при выдаче замуж никакого согласия не требуется: в данном случае согласие ее родителей или попечителей является достаточным для оформления брака.

Получив утвердительный ответ от молодых, мулла читает выдержки из Корана, молит бога даровать им долгую жизнь и счастье и объявляет их мужем и женой. О бракосочетании составляется брачное свидетельство («неках-намá») и заверяется печатью и подписями муллы, представителей властей и свидетелей. В этом документе, кроме указания имен молодоженов, также дается подробный перечень приданого невесты и его стоимости.

После обряда бракосочетания невеста увозится в дом жениха. Обычаи требуют, чтобы молодых при их выходе из дома сопровождал кто-либо из старших семьи невесты. Пользуясь данным обстоятельством, он в этот момент куда-либо исчезает и отказывается от вывода молодой пары до тех пор, пока ему не выплатят (или не пообещают выплатить) за исполнение этого обязательного обряда соответствующую сумму денег («баберáй»), представляющую собой не что иное, как прибавку к калыму.

На юге страны и в некоторых других местах невесту принято везти верхом на скакуне светло-серой масти. При этом она сидит сзади жениха, держась за него обеими руками. По пути следования раздаются ружейная стрельба и взрывы самодельных хлопушек. Местные музыканты, неистово бьют в барабаны и бубны, прокладывают дорогу свадебной процессии. В городах и в состоятельных семьях свадебный кортеж обычно состоит из легковых машин, украшенных яркими бумажными или живыми цветами.

Войдя в свой дом, жених ведет невесту к домашнему очагу и предлагает ей попробовать специально по этому случаю приготовленное кушанье (нечто вроде рисового пудинга). С данного символического момента она становится полноправным членом семьи мужа.

Празднество продолжается до глубокой ночи, а иногда и до утра. В Кабуле в состоятельных семьях обязательным элементом свадьбы является прогулка на машинах по городу и его окрестностям («шахр-гаити»), совершаемая перед рассветом и до восхода солнца.

Для жениха и невесты на первую брачную ночь отводят комнату в семье жениха. По древнему обычаю, который, правда, в городах уже мало соблюдается, но имеет широкое распространение в сельской местности, с молодыми находится и помогает им тетка невесты, которую затем называют «тоньгур». На ее обязанности лежит и подтверждение невинности невесты. Когда новобрачные остаются наедине, невеста в шутливой форме требует от жениха «брачное приданое» («ма́хре мааджёл»). Последний в таком же тоне просит ее простить ему его бедность и считать его вечным должником или же, что бывает очень редко, дает ей большую сумму денег, как символ семьи и нерушимости брачных уз.

На третий день после свадьбы отмечается праздник под названием «тахт-джами», который знаменует установление дружбы двух семейств. Кроме того, отмечается тот день и ночь, когда невесту одевают в свадебное платье, украшают ее лицо и красят хной ладони ее рук и подошвы ног. Невесту с большой торжественностью сажают на «трон» («тахт»), вокруг нее собираются родственники и близкие друзья и преподносят ей различные подарки. Данный обычай носит название «рунемай» (т. е. «показ лица невесты»).

Среди афганцев существует поверье, что во время проведения указанных выше церемоний невеста и жених подвержены действию злых духов и дурного глаза. Поэтому, чтобы уберечь их от «всяких неприятностей», проводится целый ряд ритуальных заклинаний и обрядов.

По афганским обычаям, преподнесение женихом подарков невесте до свадьбы по случаю наступления религиозных праздников, а также торжества, посвященные поздравлению жениха после брачной ночи, запрещаются.

Свадебные обряды далеко не одинаковы у различных афганских племен и имеют также свои отличительные особенности в зависимости от районов страны. Так, в Кандагарской провинции свадьбы обычно проводятся в период с 23 сентября по 22 мая (с 1 мизана по 1 джауза по календарю солнечной хиджры) и, как правило, вечером с четверга на пятницу. Здесь по установившейся традиции, в знак подтверждения достигнутого устного соглашения о предстоящем браке от имени жениха невесте посылается несколько (не менее десяти) жаровен с повидлом. Иногда их количество может достигать 50-ти и более штук и они переносятся с помощью двух-пяти носильщиков. На голову каждого из них водружается целая горка жаровен и покрывается сетчатым покрывалом, расшитым бисером и украшенном цветами. Колонна носильщиков во главе с доверенным лицом жениха, привлекая всеобщее внимание, важно шествует к дому невесты. По прибытии к месту назначения носильщики не снимают жаровни с головы до тех пор, пока родители невесты не преподнесут им соответствующие подарки. Глава семьи невесты принимает дар жениха и угощает им своих соплеменников и родственников, демонстрируя этим вещественное доказательство состоявшегося соглашения о браке, а доверенному лицу жениха дарит шапку или другую ценную вещь.

В это же время от невесты в дом жениха посылается зеленый или красный платок, вышитый по краям и в середине золотистыми нитками и с укрепленным в центре помпоном. Платок с большой торжественностью во главе большой процессии несет малолетний брат жениха или кто-либо из детей его ближайших родственников. При подходе к дому жениха его родственники начинают бить в барабаны, петь песни и танцевать, давая этим знать другим о своем веселье и радости.

Церемония бракосочетания, как и в других племенах, проводится в доме невесты. После выполнения всех формальностей каждому участнику этой церемонии вручаются сладости, завернутые в платок, где обязательно должен быть один кусочек сахара. Затем в дом жениха посылают поднос с засахаренными фруктами весом до четырех килограммов и большую сахарную голову. Там от нее откалывают верхнюю часть и оставляют в доме жениха (впоследствии из этого сахара для молодых готовится сладкий напиток), а оставшуюся часть возвращают в дом невесты и раздают гостям.

В процессе совершения обряда бракосочетания не допускается курение кальяна и сигарет, а также угощение чаем без сахара, ибо, как говорят, «свадьба от начала и до конца не должна быть горькой».

На второй вечер свадьбы празднество переносится в дом жениха, где собираются его самые близкие родственники. Жены братьев жениха знакомят невесту с ее новыми условиями жизни.

Третий вечер свадьбы – ее самая главная часть. В доме жениха собираются родственники и знакомые обеих сторон. После обильной трапезы устраивается встреча с невестой, на которую приглашаются или только женщины, или мужчины, или все вместе. В этот вечер отец невесты с большой торжественностью привозит в дом жениха все ранее обговоренное приданое. Родственники жениха устраивают ему горячую встречу. Торжества сопровождаются боем барабанов, игрой на музыкальных инструментах, песнями и плясками. Таковы некоторые особенности свадебных обрядов в Кандагарской провинции.

В провинции Газни перед тем, как начинать сватовство, устраивают смотрины девушки, которую хотят взять в жены. С этой целью в ее дом посылают одну или двух женщин из семьи жениха. Первым делом они встречаются с девушкой и оценивают ее красоту и здоровье. После этого, выразив уважение и дружбу семье девушки, они возвращаются к себе домой и сообщают свое мнение о невесте главе семьи. Если девушка понравилась, то к ее отцу направляют одного или двух сватов (свах), которые излагают ему предложение и просят дать ответ. Чаще всего глава семьи девушки с ответом не спешит, а обещает сообщить свое решение через некоторое время, подчеркивая этим свою солидность, рассудительность в выборе жениха и гордость за дочь. В случае принятия предложения о браке семья невесты посылает жениху платок с иголкой, который затем укрепляется на дверях его дома. В честь данного события производят несколько выстрелов в воздух, собираются родственники, готовится угощение, поют песни, танцуют и веселятся.

Афганские неписанные законы требуют, чтобы браки совершались только между афганцами. Счита-

ется позорным и недопустимым выдавать своих сестер и дочерей за иностранцев и представителей других племен. В связи с этим в Афганистане довольно редки браки между представителями различных народов и национальностей.

У афганцев принято скрывать чувства любви, так как традиционный пуштунский этикет требует не говорить по вопросам любви ни с кем, даже со своими друзьями и родственниками. Как уже отмечалось, все вопросы, связанные с выбором невесты и жениха решаются преимущественно родителями. Однако бывают и случаи, когда в этих вопросах верх берут решительность и непреклонность влюбленных. В соответствии с обычаем «**жаг-кавыль**» («кричать») девушка может сама обратиться с предложением о браке прямо к тому юноше, которого любит. Подобный шаг с ее стороны рассматривается как проявление исключительной смелости, на который она по традиции имеет полное право. В этом случае юноша, оберегая честь девушки, обязан принять ее предложение, независимо от того, питает он к ней какие-либо чувства или нет.

Такое же право принадлежит и юноше. В случае, если он не добился руки девушки другими средствами, то, поступая согласно обычаю «жаг-кавыль», он идет к ее дому и стреляет в воздух, демонстрируя этим свою любовь и преданность возлюбленной. Затем он обращается к ее отцу прямо или же через старейшин деревни и умоляет его простить ему свою дерзость и отдать в жены дочь. Девушка или ее родители вправе отказать юноше, хотя такой отказ может привести к большим неприятностям и вражде между семьями.

У афганского народа очень много песен о любви, которые популярны среди всех слоев и классов населения страны. Одну из таких песен приводит профессор Мухаммад Али в его книге «Афганцы»:

«Волосы твои усыпаны цветами,
Любуюсь, милая, твоими я глазами.
Ты – милый мой цветок, нарцисс прекрасный мой,
Сокровище бесценное и редкое собой.
Навек душа моя и жизнь моя – с тобой,
Мой горный мак, весенний с утренней росой,
Ты, как звезда, как яркий свет во тьме ночной,
Твой смех, твой нежный говор льются ручейком,
Твой шепот так сродни с вечерним ветерком!
Ты – ветка яблони, цветущая в лучах.
Кто ж расплескал тот лунный свет в своих очах?
О, маленькая бабочка, крылышком взмахни,
Приди ко мне и в сердце пылком отдохни». [79]

Для афганцев свойственны свои представления о женской красоте. Эталоном ее, по словам Мухаммада Али, являются «большие, миндалевидной формы, черные и блестящие, как у молодого оленя, глаза...; круглое, веселое, как полная луна, с ямочками на щеках и подбородке лицо; хорошо развитая, высокая, как гранат, грудь; стройная фигура; мелодичный голос; изящная, как у лебедя, куропатки или голубя, походка; длинная, тонкая, подобно ножке рюмки, шея; короткие и белые, как жемчуг, зубы; высокий, прямой и пропорционально сложенный нос; румяный цвет лица; тонкая талия, небольшой рот; губы цвета рубина; спокойные, как ртуть, глаза; дугообразные, подобно луку или молодому месяцу, брови; длинные, трепетные ресницы; высокий, как кипарис, стан». [80]

Моральные устои в афганском обществе весьма высоки. Среди народа решительно осуждается употребление спиртных напитков, наркотиков, азартные игры, проституция. Афганцы исключительно ревниво относятся к чести женщины. Они не любят, чтобы кто-либо восхищался красотой и другими достоинствами их жен или дочерей. Исходя из этого, справляясь о здоровье жены, обычно говорят: «Как здоровье матери ваших детей?» Эта формула особенно употребительна среди сельского населения, где обычный в других обществах вопрос «Как здоровье вашей жены?» может быть воспринят, по меньшей мере, как бестактность.

Разводы. Афганцы считают брак традиционно священным. Вместе с тем они допускают и разводы. По мусульманской религии право на развод имеет только муж, который в любое время может развестись с женой, произнеся при этом установленную формулу «развод» (по-персидски – «талáк») или «вон из дома, я в тебе не нуждаюсь». Следует отметить, что разводы встречаются не во всех районах страны. Так, афганцы, проживающие на юге, юго-западе и востоке страны, руководствуясь принципом «нанго-намус», категорически отвергают развод, считая его позорным для мужчины. В связи с этим слово «разведенный» («занталáк») рассматривается ими как большое оскорбление и злобное ругательство. В случаях, когда муж явно уличает жену в супружеской неверности, как уже говорилось выше, он предпочитает убить обоих виновных, чем прибегать к разводу. Такие трагедии в указанных районах случаются не так уж редко. Следует, однако, заметить, что этим обычаем часто пользуются и как ширмой для того, чтобы прикрыть и оправдать преднамеренное убийство.

В других же районах страны, в частности в Кабуле и его окрестностях, на севере и северо-востоке Афганистана, разводы – явление довольно распространенное. Но и здесь женщина практически лишена этого права и полностью зависит от воли и прихоти своего мужа.

В соответствии с законами шариата существуют три вида развода, которые имеют место и в Афганистане:

1. «**Раджаи**» («возвращение»). Суть его заключается в следующем: муж то ли из-за гнева, то ли недостойного поведения жены, или же из-за того, что жена самовольно выходит на улицу без чадры и т. п., отчетливо произносит один раз «развод» или «вон из дома, я в тебе не нуждаюсь». После этого жена обязана покинуть дом мужа, а последний – обеспечить ее пропитанием и одеждой (один комплект) на три месяца. Такой вид развода документально не оформляется и осуществляется без присутствия сви-

детелей. Жена в любое время может снова вернуться к мужу по его требованию или на основе ее просьбы о прощении и согласия мужа. Таким образом, право на восстановление супружеской жизни принадлежит исключительно мужу.

Если же за это время, то есть в течение трех месяцев, муж умрет, то за женой сохраняется право на получение 1/8 части его наследства. Но она теряет это право, если муж умрет после истечения указанного срока.

2.«**Байин**». В данном случае муж заявляет о своем разводе, дважды повторяя слово «развод». После этого супруги считаются разведенными. Если они пожелают снова сойтись, то им придется заново выполнить все официальные формальности бракосочетания. Для этого собираются свидетели и родственники обеих сторон, приглашается мулла, который трижды задает вопрос, согласны ли они вступить в брак, читается Коран и гостям раздаются сладости. Снова оформляется брачное свидетельство, а старое уничтожается.

3.«**Саласá**» («три»). Муж, подчеркивая каждое слово, отдельно и внятно произносит трижды «развод» или же бросает в сторону жены три камешка и говорит один раз «развод». Если слово «развод» было произнесено трижды в течение одного дня, то такое действие также считается «саласа». Затем в присутствии муллы (судьи шариатского суда) оформляется и заверяется документ о разводе. После этого женщина свободна и может выйти замуж за другого, а бывший муж обязан немедленно вернуть ей ее приданое («махр»).

Коран предписывает, что после данного вида развода они могут вступить в брак лишь в том случае, если жена до этого находилась в юридическом и фактическом браке с третьим лицом и получила от него развод («саласа»). [81] Причем после такого вторичного развода женщина должна выдержать определенный срок – «эддат», прежде чем вступить в брак с первым мужем. Если она не беременна от второго брака, то «эддат» составляет 3 месяца (90 дней), а если беременна, то – до разрешения беременности. [82]

При любом виде развода дети остаются с отцом, за исключением грудных, которые до семилетнего возраста живут с матерью. Бывший муж в течение всего этого срока обязан обеспечить ребенку средства на жизнь. По истечении указанного времени судьба ребенка решается в судебном порядке, причем решающее слово в выборе места жительства (у отца или матери) принадлежит ребенку.

В соответствии с канонами мусульманской религии жена может требовать через суд развод лишь в следующих случаях:

- 1)когда она покупает у мужа право на расторжение брака путем уплаты калыма на новую жену;
- 2)если муж не выполняет супружеских обязанностей или допускает половые извращения (в этом случае требуется письменное подтверждение врача);
- 3)если муж более шести месяцев не платил жене содержание.

Родильные и погребальные обряды. В Афганистане из-за нехватки акушерских кадров и родильных домов ребенка обычно принимает повивальная бабка. Рождение мальчика считается в афганской семье радостным событием и поэтому отмечается большим весельем, чего нельзя сказать о рождении девочки. В сельской местности, как только становится известно о рождении мальчика, односельчане и мужчины из окрестных деревень почитают своим долгом схватить ружье и бежать к дому новорожденного. Приблизившись к нему, они несколько раз стреляют в воздух. Вокруг дома собираются местные музыканты, которые с неподражаемым подъемом и темпераментом играют на музыкальных инструментах и бьют в барабаны и бубны, создавая невообразимый шум и гам. Собираются родственники и друзья и приносят свои поздравления семье малыша. В связи с рождением мальчика обязательно готовится угощение.

В соответствии с установившейся традицией, сразу же после рождения ребенка ему на ухо произносят несколько слов призыва к молитве. Имя ему дается на седьмой день после появления на свет. По представлениям афганцев, если дать имя раньше этого времени, то злые духи могут нанести ему большой вред. Имена бывают самые разные в зависимости от района страны, в основном исламские или арабские, а также и национальные имена. К концу имени мальчика прибавляется имя отца, семьи или его прозвище. Девочки получают главным образом имена женской половины семьи пророка или по названию цветов, как то: Насрин (шиповник), Бинавиша (фиалка), Йасамин (жасмин), Сусан (лилия), а также такие, как Шарифа (благородная), Латифа (милая), Заргуна (цветущая), Мاستура (целомудренная) и т. п.

На седьмой день после рождения мальчика режут двух баранов или козлов и угощают бедных. Одновременно раздают милостыню, размер которой в стоимостном выражении определяется в соответствии с количеством серебра или золота, взятым равным весу остриженных волос младенца. Поэтому данный обычай носит название «**саркали́**» («остригание волос»).

Афганцы придают большое значение рождению мальчика и постоянно молят Аллаха, чтобы он даровал им сына. Это связано с тем, что, согласно традиции, продолжателем семейного рода может быть только сын. Отсутствие его воспринимается как немилость бога и плохое предзнаменование. Кроме того, сын – это кормилец родителей в старости, их жизненная опора и защитник. Культ мальчика в афганском обществе во многом связан с мусульманской религией, которая отводит женщине положение зависимого от мужчины, неравноправного существа. В Коране, в частности, по этому поводу говорится: «Мужья стоят выше жен, потому что Бог дал первым преимущество над вторыми, и потому, что они из своих имуществ делают траты на них». [83]

Что касается девочки, то ее рождение не является желанным событием для родителей и не сопровождается таким весельем, какое характерно для мальчика. У афганцев не принято поздравлять родителей с рождением девочки и даже тогда, когда они выдают ее замуж. Поэтому они уделяют больше внимания обучению и воспитанию сыновей, чем дочерей, так как дочь, по их мнению, «является в конечном счете собственностью других». [84]

Ребенок в вопросах ухода и воспитания полностью принадлежит матери. Если обстоятельства позволяют, она кормит грудью примерно до двух лет. Эта норма предписана Кораном, где говорится: «Родительницы грудью кормят детей своих полные два года». [85] Во всех семьях ребенок является объектом большой и нежной любви. Ему часто дается какое-либо ласкательное прозвище. Многие афганцы убежденно считают, что главная забота матери заключается в том, чтобы уберечь свое чадо от «дурного глаза» или «злого духа». Именно поэтому даже в хорошо обеспеченных семьях ребятнишек в раннем возрасте содержат грязными и неряшливыми, так как в таком виде они якобы меньше подвержены воздействию сверхъестественных сил. Всякое восхищение ребенком по поводу его хорошего здоровья и красоты у афганцев считается исключительно опасным для его жизни и поэтому нежелательным.

Согласно бытующему в Афганистане обычаю «чехель-гориз», мать после родов в течение сорока дней никуда не выходит из дому. На сороковой день она вместе с ребенком идет в баню и только после этого может навещать родственников и знакомых (по установившемуся в мусульманских странах обычаю, женщина-мать ходит в баню на 10, 20 и 30-й день после родов). Они же, в свою очередь, по истечении указанного срока преподносят ей подарки по случаю рождения сына и приглашают ее к себе в гости.

Над мальчиками, начиная со дня рождения и примерно до семи-десяти лет, совершается **обряд обрезания** («соннат» или «хатна»). Данный обряд проводится одновременно над двумя (это – обязательное условие) мальчиками для того, чтобы, как объясняют мусульманские богословы, они не испытывали чувства одиночества в мире и чтобы их жизнь была вдвое длиннее. Исходя из этого, если в семье только один мальчик, то обряд «соннат» не совершается до рождения второго сына. Если же в семье долгое время нет второго мальчика, а сроки проходят и, как говорят, «мальчик начинает понимать добро и зло», то его отец ищет мальчика в другой семье и устраивает данный обряд. Его выполняет специально практикующийся на этом парикмахер или врач-хирург дома, а иногда и в больнице. Указанное событие широко и пышно празднуется. Приглашаются гости, готовится угощение, играют музыканты.

В случае смерти афганские обычаи предписывают родственникам и друзьям посетить дом умершего и выразить свое соболезнование. Неизменным ритуалом похорон является оплакивание покойника, которое продолжается до тех пор, пока он находится в доме или во дворе. Активную роль в оплакивании играют женщины и специально приглашаемые для этого профессиональные плакальщицы. Одни из них собираются вокруг покойника и плачут навзрыд, другие читают Коран. Близкие родственники бьют себя по лицу, рвут волосы, катаются по земле, доводя себя до полнейшего изнеможения. Так продолжается несколько часов. За это время, пишет профессор Мухаммад Али, их лица распухают от ударов, глаза наливаются кровью, а всклокоченные и растрепанные волосы дополняют эту картину несчастья и горя. [86] Затем над покойником совершается сложный мусульманский обряд омовения, выполняемый мордецуями. Тело умершего завертывают в саван (кусок белой материи), кладут на чепаркат (деревянную кровать) и закрывают белой простыней. Состоятельные люди хоронят покойников в гробу. На гроб молодого человека кладут цветы и модную одежду.

Отпевание покойника («нама́зе джаназá») проводится либо дома, либо в ближайшей мечети, где имеется специально оборудованная для этой цели открытая площадка, либо вблизи кладбища. В Афганистане гроб устанавливается в направлении примерно север-юг. Мулла, совершающий отпевание, становится перед гробом лицом на запад (в сторону Мекки). За ним выстраиваются родственники и друзья умершего.

После завершения обряда отпевания траурная процессия направляется на кладбище, где у каждой семьи есть свое определенное место. Перед опусканием тела в могилу читаются несколько выдержек из Корана, а присутствующие молятся за душу усопшего. В могиле, которая в Афганистане отрывается близким к направлению север-юг, оборудуется ниша с таким расчетом, чтобы в ней можно было положить покойника на правый бок лицом к Мекке (на запад). Глубина могилы обычно бывает до двух метров. По канонам мусульманской религии могила женщины должна быть глубже, так как она «недостойна лежать на одном уровне с мужчиной». На могиле устанавливаются плоские камни: вдоль – на могиле мужчины, а поперек – на могиле женщины. После окончания обряда похорон раздается милостыня нищим, которые обычно в большом количестве собираются на кладбище.

У мусульман принято хоронить умерших в день смерти, от восхода и до захода солнца. Если же это по какой-либо причине оказывается невозможным, то похороны проводятся на следующий день с утра. На время похорон приглашается мулла, который за определенную плату исполняет молитву и удостоверяет биографические данные умершего и то, что он был правоверным мусульманином. Мулла уходит с кладбища последним. Это объясняется следующим. По мусульманской религии сразу же после погребения в могиле происходит допрос умершего ангелами Мункаром и Накиром. Чтобы подсказать ему правильные ответы и подтвердить его принадлежность к правоверным, мулла должен задержаться у могилы после того, как остальные провожающие покойника уходят. В церемонии похорон на кладбище женщины не принимают участия, так как это им запрещено по установлениям религии.

Молитвы по усопшему («фатехá-хани»), проводимые в мечети, устраиваются на второй и третий день после смерти, в первый, второй, третий и четвертый четверг, на сороковой день и по истечении каждого года. Подобные молитвы совершаются также и дома и сопровождаются угощением-поминками. В середине 60-х годов XX в. афганское королевское правительство с целью сокращения расходов на поминки призвало население страны проводить «фатехá-хани» только в мечетях и только с 8 до 12 часов дня. С тех пор это нововведение получило широкое распространение в Афганистане, особенно в городах.

Предрассудки и суеверия. Афганцы отличаются большим суеверием. Они верят в существование множества злых духов и сверхъестественных существ, которых называют различными именами, как-то: «ишиак», «мадари-ал», «гули-бибан», «див», «дивча» и т. п. По их представлениям, эти и другие злые создания обитают в заброшенных местах, развалинах, на берегах рек, ручьев, на деревьях, в пустынях, на

кладбищах и т. д., обладают большой властью над людьми и могут нанести им вред. Они якобы способны предстать перед человеком в любом виде, образе и цвете: одни из них – темные, другие – светлые, третьи – безобразные, четвертые – красивые и привлекательные. Наиболее страшными и опасными считаются духи покойников, которые якобы бродят в поисках живущих и могут вселяться в них, особенно в женщин. Поэтому афганцы боятся появляться в тех местах, где кто-либо погиб насильственной смертью. Как подметил профессор Мухаммад Али, крайне удивителен тот факт, что простые афганцы – смелые и мужественные по натуре люди, в то же время испытывают панический страх перед местами, где, по их поверью, живут злые духи. [87]

В афганских деревнях в случае болезни первыми, к кому обращаются за помощью, является мулла, предсказатель судьбы по звездам (астролог) или знахарь, так как считают, что главной причиной болезни может быть лишь пагубное воздействие злых духов или же неблагоприятное расположение звезд. Среди народа существует глубокое убеждение, что ношение амулетов предохраняет от всяких бед и несчастий. Амулет обычно представляет собой бумажку с абракадаброй, зашитую в кусочек кожи или обернутую клеенкой. Его укрепляют булавкой на плече или вешают на шнурке на шею мальчику, красивой девочке или только что поженившейся молодой паре, поскольку полагают, что именно они больше всего подвержены козням злых духов. Чтобы уберечь новорожденного от «дурного глаза» и влияния злых духов ему на шею и на люльку обязательно подвешивают разного рода амулеты и когти диких зверей, главным образом леопардов и львов. Когда же хвалят ребенка за что-то, то вначале упоминают имя бога («наме ходá») и молят его избавить дитя от сглаза («назáре бад», «чáшме бад»), который-де может быть вызван одним лишь восхвалением. Афганцы верят, что, наряду с «дурным глазом», существует и «злой язык» («сийáх забáн»). Слово человека со «злым языком», считают они, страшнее меча.

В афганском обществе строго соблюдаются сложившиеся в течение веков различные поведенческие нормы. Так, более счастливыми считаются правая сторона и правая нога, чем левая. Суеверный афганец вступает в дом только с правой ноги. Подарок не вручается и не принимается левой рукой. Если вещь тяжелая и если хотят подчеркнуть свое уважение лицу, от которого что-то принимают, то предлагаемое берут обеими руками. Кроме того, существует целая система примет, поверий, счастливых и несчастливых чисел и дней. Например, несчастливыми считаются вторник и числа 13 и 39. Все, что делается в среду должно, по их представлению, повториться. Поэтому этот день рассматривается самым подходящим для начала больших и ответственных дел. У суннитов существует поверье, что обрызгивание водой из чаши молитв (т. н. «чаши сорока ключей») в последнюю среду месяца сафара (второй месяц по лунному календарю хиджры) приносит счастье.

Как свидетельствует Мухаммад Али, в мире, пожалуй, найдется мало людей, которые бы так убежденно верили в астрологию, как это делают афганцы. Без астролога или гадания по Корану и томику стихов знаменитого персидского поэта Шамседдина Хафиза Ширази не назначается время ни одной сколько-нибудь значительной церемонии или поездки внутри страны и за ее пределы. При этом наугад открывается одна из указанных книг, читается и толкуется первая попавшаяся строка. [88]

Среди афганского народа очень развит культ «святых», культ поклонения «духам» предков. Совершая паломничество к мазарам и «святым» местам, верующие вымаливают покровительство и заступничество «святых», стремясь сделать их ходатаями перед лицом Аллаха, обращаясь к ним с многочисленными просьбами, ищут избавления от различных болезней, житейских невзгод, «сглаза», бесплодия и т. д. Посещение названных мест, к которым афганцы относятся с большим благоговением и почтением, обычное и широко распространенное явление, особенно по вечерам в четверг, в траурный день «аишура» и в «ша́бе барáт», то есть в ночь с 14 на 15 месяца шабана по лунному календарю хиджры (см. об этом ниже).

Редко кто из афганцев проходит мимо известных могил без того, чтобы не поднять руки в молитве и не попросить благословения «святого». Этот ритуал совершается и тогда, когда афганец проходит мимо кладбищ и безвестных могил. При этом он произносит слова «Да простит его бог!» («ходá бéбах-шаш»), что означает его заступничество перед богом за душу погребенного и просьбу простить последнему все его земные прегрешения.

Среди афганцев часто можно слышать самые удивительные истории не только о «чудесах», творимых «святыми», но и вrede, нанесенном привидениями. В этих рассказах последние обычно предстают в образе то черной кошки, то ребенка, то белобородого старца и т. п. Многие афганцы упорно верят в существование ведьм, в которых якобы могут превращаться старые женщины. Вместе с тем бытует поверье, что против них имеются действенные заклинания и обряды. Например, чтобы отогнать их и вообще других злых духов, которые могут нанести вред ребенку и его матери, достаточно-де мужем (или ближайшим родственником) положить на голову женщине саблю или кинжал перед родами. Наиболее «эффективным» способом отпугивания злых духов считается сжигание руты (дикой травы). Семена этой травы, брошенные в огонь, вспыхивают и горят, выделяя густой дым с неприятным запахом.

Широкие массы народа верят, что любое страшное сновидение является предзнаменованием и имеет определенный смысл. Такие сны, по их представлениям, дают возможность предсказать свое будущее. Имеются и толкователи снов. Одни из них полагают, что сновидение в том же виде снова повторится в реальной жизни, другие же, наоборот, дают ему обратное, иносказательное толкование. Например, если человек видит во сне, что у него выпал зуб, то это-де означает ближайшую потерю кого-либо из близких родственников.

Религиозные и светские праздники, народные гулянья и игры. В соответствии с установлениями мусульманской религии, афганцы в течение года соблюдают два больших религиозных праздника: праздник розговенья («йиде фетр») и праздник жертвоприношения («йиде курбáн»). Празднику розговенья предшествует тридцатидневный пост («рузá», «сийáм»), совершаемый в священный месяц рамазан по лунному календарю хиджры. По мусульманскому вероучению, в этот месяц Аллах передал пророку Му-

хаммеду священную книгу Коран, в честь чего всем мусульманам предписывается соблюдать пост, а после него трехдневный праздник «йиде фетр», называемый также «малым праздником». Несоблюдение поста считается величайшим грехом и преступлением перед богом. Каждый правоверный мусульманин обязан от рассвета и до вечерних сумерек поститься, то есть ничего не есть, не пить, не курить, не вдыхать никаких запахов, не купаться, а в случае болезни – не принимать лекарств. Зато после наступления темноты и до рассвета еда, питье и прочие удовольствия ничем не ограничены. В указанный месяц предлагается «успокоить страсти», больше обращать свои взоры к Аллаху, усердно читать Коран и совершать намаз. Каждый верующий должен в течение месяца хотя бы один раз прочитать или прослушать чтение всего Корана от начала и до конца («хатм»). Чтения священной книги мусульман проводятся в мечетях в течение всего месяца рамазана.

О наступлении праздника розговенья население оповещается по радио. По этому случаю на улицах вывешиваются национальные флаги, дома украшаются разноцветными полотнищами и коврами. В дни праздника принято ходить друг к другу в гости, веселиться и, если позволяет погода, выезжать на пикники и устраивать народные гулянья. Приветствуя по случаю праздника, люди говорят друг другу: «Пусть твой пост и молитва дойдут до Бога!» Считается обязательным в эти дни посещать могилы предков и украшать их цветами, раздавать пищу беднякам, делать подарки родственникам, друзьям и близким знакомым, а также шить или покупать новую одежду для всех членов семьи.

«Большим праздником» у мусульман считается «йиде курбан», проводимый на 64-65-й день после праздника розговенья. В своем происхождении он связан с культурами ряда племен древней Аравии, которые еще задолго до возникновения ислама приходили в Мекку и в ее окрестностях совершали человеческие жертвоприношения и молились богам, чтобы они ниспослали им хороший урожай злаков и фиников, богатый приплод их стадам, избавление от болезней и т. д. В исламе для обоснования жертвоприношения используется библейское сказание о попытке принесения в жертву богу праотцом Авраамом (в Коране – Ибрагим) своего сына Исмаила.

В праздник «курбан» каждый мусульманин, не являющийся должником и имеющий определенный достаток, обязан принести кровавую жертву Аллаху, убив с соблюдением ритуала барана, козла, быка, верблюда или другое домашнее животное, мясо которого употребляется в пищу. Жертвенное животное должно быть не старым, совершенно здоровым и не иметь никаких физических дефектов. Допускается принесение в жертву крупного животного и на паях в количестве до десяти человек. Мясо животного разрубается на мелкие куски, взвешивается и делится поровну между пайщиками. Затем часть мяса отдается бедным и мулле, а остальное поедается за праздничным столом. Шкуру жертвенного животного передают мулле или городской управе.

В дни данного праздника верующие надевают свою самую лучшую одежду, посещают проводимое в мечети праздничное богослужение «хутба», обмениваются подарками и поздравлениями, ходят друг к другу в гости. По случаю праздника они приветствуют друг друга: «Будь хаджи и гази!» В дни «курбана» совершается хадж (паломничество) к мусульманским святыням в Мекку и Медину. Каждый мусульманин, совершивший его, получает звание «хаджи».

Особо почитаемым светским праздником в Афганистане является День независимости, установленный в честь ликвидации зависимости страны от английских колонизаторов в 1919 году. Официально эта дата отмечается 27 мая. Однако в 1940 году афганское правительство перенесло широкое празднование Дня независимости на август, когда созревает урожай многих сельскохозяйственных культур. В 1962 году продолжительность его была установлена в три дня – с 23 по 25 августа. По случаю этого дня при прежних режимах традиционно проводился парад войск столичного гарнизона.

Веселым праздником в Афганистане считается Новый год, отмечаемый повсеместно 21 марта. Он празднуется также как день весны и день крестьянина. Своими корнями он уходит в глубь веков. У иранских народов он появился еще задолго до возникновения ислама и символизировал начало нового сельскохозяйственного года.

Новый год считается у афганцев чисто семейным праздником, знаменующим собой завершение определенного периода в жизни человека и семьи и вступление в новый ее этап. Подготовка к празднованию Нового года начинается за семь дней до его наступления. Первым делом готовится напиток из семи видов сушеных фруктов («хафт мива»), выставляемый в течение семи суток. На праздничный стол обязательно подаются блюда из зелени (шпината, петрушки, зеленого клевера, зеленого лука и т. д.) и домашней птицы (предпочтительно той, которая имеет белое оперение). Вечером, накануне Нового года, все члены семьи преподносят друг другу подарки, а друзья посылают поздравительные открытки. Рубежом старого и нового года является час ночи 21 марта. С этого времени и до 12 часов дня никто, как правило, не выходит из дома и проводит все время в кругу семьи. Всякий выход из дома в указанные часы считается плохим предзнаменованием, так как, по убеждению афганцев, подобный шаг может привести к потере кого-либо из членов семьи в наступающем году.

После полудня 21 марта афганцы целыми семьями выходят и выезжают в горы, на зеленые лужайки, а в городах – также в сады и парки. Такие выезды и связанные с ними народные гулянья носят название «топтанье травы» («сабза лагад кардан»). Все веселятся, играют, танцуют, поют, пьют приготовленный семидневный напиток. На лоне природы готовят шашлыки и другие национальные блюда. Веселье часто выходит за рамки семьи. Люди собираются в большие группы, причем отдельно мужчины старшего возраста, женщины, молодежь.

В стране широкой известностью пользуется народное гулянье «Красный цветок» («голе сорх мелá»), проводимое вблизи Мазари-Шарифа. Сюда приезжают не только жители близлежащих сел и городов, но и из столицы. Привлекают их на это празднество красивые, покрытые зеленью и сплошным ковром красных полевых маков склоны гор и прекрасная, по-весеннему мягкая, солнечная погода.

По случаю Нового года к гражданам страны традиционно с приветствиями и пожеланиями счастья

и благополучия обращаются через средства массовой информации высшие руководители страны. В этот день при стечении десятков тысяч людей в священных местах – у мечети Раузи-Шариф в Мазари-Шарифе, в Сахиджан и на базаре Мандаи в Кабуле – проводится торжественная церемония поднятия укрепленного на многометровом шесте зеленого флага, с вышитым на нем символом веры ислама «Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха».

По народным верованиям, в день Нового года нельзя плакать, наказывать и бранить детей, ругаться и проявлять нервозность, ибо, в противном случае, так, мол, и будет весь год. Празднование Нового года не проводится лишь в тех семьях, в которых кто-то накануне его умирает.

Необычно отметить, что обычаи празднования Нового года в Афганистане не везде одинаковы. Так, афганцы-шииты, кроме обязательного семидневного фруктового напитка, готовят еще печенье семи сортов («кульчайи нау руз») и в отличие от суннитов отмечают Новый год как религиозный праздник в течение 15 дней. На их новогодний стол готовится только та птица, которая имела белое оперение. Таджики северных провинций Афганистана и нуристанцы в ночь на Новый год разжигают большие костры и веселятся вокруг них. Молодежь и старики для очищения себя от грехов прыгают через эти костры. Перед рассветом пожилые люди уходят отдыхать и настоятельно советуют молодежи хорошо потушить костер, чтобы, как говорят, «не остались в нем злые духи («див») и не нанесли вреда человеку».

В ночь с 14 на 15 месяца шабана по лунному календарю хиджры в Кабуле, как и в других городах и населенных пунктах страны, можно наблюдать, что с заходом солнца то в одном, то в другом месте начинаются рвать хлопучки, происходит стрельба, а пушка с горы Шер-дарваза ведет непрерывный огонь холостыми зарядами. По преданию, в эту ночь, названную «шайбе барат» («ночь прощения грехов»), Аллах опускается на «нижайшее небо», а все двери в рай широко открываются на небесном своде. В связи с этим в указанную ночь верующие совершают намаз больше обычного, усиленно просят отпущения грехов, а также посещают могилы своих предков, где разжигают костры и справляют поминки.

У афганцев много и других знаменательных дат и праздников, ежегодно отмечаемых ими, как-то: траурный день «ашура» 10-го числа месяца мухаррама по лунному календарю хиджры, день рождения пророка Мухаммада и вознесения его на небо, День Пуштунистана, День освобождения и т. д.

Афганцы любят устривать и смотреть бои собак, петухов, кекликов и перепелов, которых специально для этого содержат и тренируют. Нередко такие бои сопровождаются денежными ставками.

В Кабуле и горных районах столичной провинции бытует интересная игра-обычай под названием «барфи», проводимая по случаю выпадения первого снега. В такой день друзья посылают друг другу письма, содержащие короткое двустишие:

«Пришел первый снег по воле бога,
Новый снег – мой, а барфи – ваши».

Роль разносчика писем обычно выполняют подростки. Каждая из сторон старается поймать его и не допустить, чтобы кто-либо из членов ее семьи принял письмо. Если он схвачен, то получает небольшую взбучку, а его лицо мажут сажеей и в таком виде передают отправителю письма. Это означает, что последний проиграл «барфи» и должен выставить угощение. Если же письмо принято кем-либо из членов семьи и разносчик успел убежать, то придется приглашать на угощение своего более удачливого друга. [89]

Распространенным видом спорта и развлечением в Афганистане является охота на диких уток и зверей. В некоторых районах страны все еще пользуются старыми приемами и орудиями лова. Нередко на охоту на зайца, лису и красного зверя (косуль, газелей и т. п.) выходят по старинке с афганскими гончими («тази»), ястребами и соколами. Более состоятельные охотники используют подсадных уток, которых выпускают в удобном месте на поверхность воды, часто на пруд, специально сооруженный для этой цели. Излюбленным местом охоты на весеннюю перелетную птицу являются долины и подножия южных склонов Гиндукуша, где охотники на искусственных водоемах устанавливают десятки чучел уток. Когда традиционные пути перелета через Гиндукуши бывают закрыты сплошными облаками, то большие стаи птиц ищут пристанище на этих водоемах и тысячами истребляются.

Крестьяне горных районов для ловли сотен птиц применяют свои, местные способы. К примеру, они отрывают траншеи на вершинах высоких гор, где воздух так разрежен, что птицы не в состоянии перелететь их. Ранней весной и поздней осенью стаи перелетных птиц опускаются на эти горы и лавиной продвигаются вперед. И тут-то у открытых траншей и канав они становятся легкой добычей охотников.

Афганцы любят песни и танцы. Особый восторг у них вызывает красивый и темпераментный танец «Атан». Для его исполнения сначала от десяти до двадцати мужчин образуют круг. Один или два человека становятся внутри круга и запевают песню или начинают играть на каком-либо музыкальном инструменте. Затем вступают барабаны, объявляя своими ритмическими звуками начало танца. Танцоры, двигаясь, окружают барабаничников. Скорость танца постепенно нарастает, движения танцоров и звуки музыкальных инструментов сливаются в один сплошной огненный вихрь. Танцоры принимают определенные позы, то запевают, то выкрикивают слова одобрения или же хлопают в ладоши и прищелкивают пальцами. Время от времени они берутся за руки, то убыстряя, то замедляя движение взад и вперед. Иногда они образуют круг, двигаясь на одной ноге в такт музыке и коллективному пению. Возбуждение передается от танцоров к барабанищикам, а также к зрителям, которые часто сами присоединяются к танцующим. Танец все больше убыстряется и, когда он достигает кульминационного момента, внезапно, с последним аккордом музыка прекращается.

Танцоры часто выступают с разноцветными платками. Вихревые круговые движения туловищем широко приняты при исполнении данного танца, однако в некоторых племенах больше отдают предпочтение движениям головы и рук, чем туловищу.

В сельской местности весьма распространена игра под названием «гурдзай». Суть ее заключается в следующем: человек берет ступню левой ноги в правую руку и прыгает на одной ноге, пытаясь плечом сбить с ног оппонента, выступающего в такой же позе. Тот, кто не сможет выдержать удар противника, упадет или станет на обе ноги, считается побежденным.

В Афганистане исключительно популярна конноспортивная игра «бозкеши» (козлодранье). Она обычно проводится в осенние и зимние месяцы и главным образом на севере страны, где выращивают превосходных верховых лошадей. Самые известные из них – каттаганские. Бозкеши – захватывающее и весьма опасное состязание искусных наездников («чапандаз») и их лошадей. Цель игры состоит в том, чтобы взять тушу тельца из центрального круга, обнести его вокруг столба, находящегося в противоположной части спортивного поля, и вернуть в круг команды соперников.

В состязании участвуют две команды. Количество игроков не является постоянным и колеблется от десяти до ста человек в каждой команде. Вес тельца обычно составляет 7 сиров (около 50 кг). В ближайшей части спортивного поля обозначаются три круга диаметром 10-15 метров каждый. В центральном круге перед началом игры кладется теленок без головы. Два остальных круга распределяются между командами. Судейство осуществляют главный судья и его несколько помощников. Поле, где проводится данная игра, должно быть покрыто мягким грунтом, так как камни и гравий представляют большую опасность для лошади и наездника. Члены каждой команды имеют свою особую форму и отличительный знак. В комплект формы входят мягкая шапка, короткая куртка, стеганные хлопчатобумажные шаровары и длинные сапоги на высоких каблуках.

Для бозкеши отбираются специальные породы лошадей. В северных провинциях Афганистана многие состоятельные люди страстно увлекаются данным видом спорта и держат, как правило, несколько таких лошадей. Их тщательно выезжают, хорошо кормят и регулярно чистят. Наездники, ухаживающие за ними и принимающие участие в состязаниях, обычно не имеют своих лошадей. Поэтому призы и денежные премии вручаются не только наездникам, но и владельцам лошадей.

Игра проходит так. По сигналу главного судьи команды выстраиваются на противоположных сторонах центрального круга. Как только дается свисток, все наездники устремляются к центру круга и пытаются с седла схватить и поднять тушу тельца. После упорной борьбы кому-то удается переброшить ее через седло перед собой и вырваться из круга. Он галопом устремляется к противоположной стороне поля. Его преследуют игроки другой команды в то время, как свои охраняют бдительно от нападения соперников и не дают им завладеть тушей. Когда теленок падает на землю, что случается довольно часто, то наездники, перевесившись через лошадь и удерживаясь за стремя одной ногой, на полном скаку подхватывают его. Это состязание требует исключительно тренированных и быстрых лошадей. Во время борьбы за обладание тельцом такие лошади буквально опускаются на передние ноги, давая возможность наезднику схватить его, а иногда хватают зубами куртку игрока команды соперников и стаскивают его с седла. Как только наездник овладевает тельцом, он стремится немедленно вырваться из толчи двух команд. Та из них, которая обойдет с тельцом столб на противоположной стороне поля, получает одно очко, а забросившая тушу тельца в круг противника – два очка. Удар кнутом по сопернику и стаскивание одежды с него считаются нарушением правил и штрафуются. Следует заметить, что ни одна игра «бозкеши» не обходится без серьезных травм, увечий и даже человеческих жертв как среди команд-участниц состязаний, так и зрителей (в стране не принято отгораживать места для зрителей от спортивного поля).

Одежда, пища, жилище. Во второй половине XX в. во внешнем облике афганцев, особенно городских жителей из числа состоятельных, элитных слоев общества, произошли существенные изменения. Государственные служащие, интеллигенция, учащаяся и студенческая молодежь повсеместно предпочитали одеваться в европейское платье. Многие женщины в городах ходили без чадры («чадари»). Их одежда часто была последним «криком» самой ультрасовременной моды. Что же касается сельских жителей, то они по-прежнему носили свою традиционную одежду, которая заметно различается в зависимости от района страны, национальной и социальной принадлежности.

Традиционный афганский мужской костюм состоит из мешковатых хлопчатобумажных или шелковых штанов, суживающихся книзу и длинной свободной рубахи с шерстяным вышитым жилетом. Этот костюм в зимнее время дополняется домотканым одеялом («иаль»), набрасываемом на плечи. Те, кто в состоянии, исходя из своих доходов, позволяют себе, надевают пальто или теплые халаты («чапан»). Очень распространены чалма («лонги»), которая наматывается на голову вокруг тюбетейки. Чалма бывает чаще всего белого цвета, но может быть и черная, голубая, розовая и т. д. Большая часть городских жителей носит шапочки из каракуля, в основном серого цвета. Подавляющее большинство сельских жителей летом ходит босиком, а зимой надевает тяжелые баймаки с загнутыми носками. Распространено также ношение кожаных сандалий с широкими ремнями.

Одежда женщин включает длинные до щиколоток штаны, блузу и покрывало на голову или чадру. Женская обувь состоит из кожаных баймаков с загнутыми сверху носками или модных туфель на высоких каблуках. Афганские женщины, особенно в сельской местности, включая и кочевниц, любят носить различные украшения: кольца, серьги, ожерелье, бусы и браслеты.

Афганская кухня в целом очень богата и разнообразна. Основными ее продуктами являются рис, мясо, зелень и фрукты. Особенно популярны кебабы и плов, который готовится по самым различным рецептам и насчитывает десятки (по утверждению афганцев, даже сотни) названий. Большой известностью пользуется так называемый «узбекский плов». Афганцы очень любят мясо, в особенности баранину, что ярко выражено в пуштунской пословице: «Лучше сожженное мясо, чем самые хорошие бобы». Однако пища подавляющего большинства населения страны очень скромна. Оно далеко не всегда имеет возможность есть мясо и рис, часто ограничиваясь лишь лепешкой кукурузного или пшеничного хлеба и чаем. Черный чай очень популярен среди всех слоев афганского общества. Зеленый чай обычно употреб-

ляют после еды. Едят, как правило, на полу, расстилая поверх ковра, паласа или циновки большую ска-терть.

Жилище оседлых жителей Афганистана представляет собой глинобитный или сложенный из обожженного кирпича дом, а у кочевников – шатер из грубой шерстяной дмотканой ткани или войлока. В последнее время кочевники нередко используют полевые палатки фабричного производства. Дом окружен высокой, как правило, четырехугольной глинобитной стеной с низкими массивными воротами. По углам стен обычно возводятся башни. Такие дома-крепости («кал'а») встречаются повсеместно, в том числе и в городах. Крыши домов в большинстве случаев плоские, с небольшим скатом. Исключением являются лишь селения на юге и юго-западе страны, где широко распространены дома с куполообразными крышами.

В последние десятилетия XX в. сильно изменился внешний облик афганских городов, особенно Кабула. На месте традиционных кривых и узких улочек с одноэтажными домами появились широкие проспекты, застроенные красивыми многоэтажными зданиями современного типа. Подлинным украшением столицы Афганистана стали построенные при технической помощи СССР жилые массивы (микрорайоны) благоустроенных многоэтажных домов, красивейшее здание Кабульского международного аэропорта, комплекс зданий Кабульского политехнического института, Центральный военный госпиталь и др. К сожалению, многое из перечисленного выше оказалось до основания разрушенным в ходе междоусобной борьбы моджахедов после их прихода к власти в апреле 1992 года.

Меблировка афганской квартиры имеет чисто восточный характер. Пол покрывается циновкой, а в богатых семьях – паласом или ковром. Мебель (обычно на низких ножках) имеется лишь в домах состоятельных людей.

* * *

Афганистан – поистине своеобразная страна. Отгороженная цепями высоких гор и знойных пустынь от морей и океанов, она длительное время оставалась вдали от происходивших в мире бурных перемен и потрясений. Ее народы, большие и малые, сумели сохранить в своей первозданности многие черты и особенности национального колорита, образ жизни и миропонимания, пришедшие из глубины веков нравственно-этические нормы, свои представления о непреходящих духовных ценностях. Несомненно, в культуре, обычаях и традициях Афганистана, в их быте, одежде, менталитете, особом складе характера много самобытного и неповторимого. Вместе с тем, несмотря на всю свою специфику, эта страна не может рассматриваться как нечто инородное и исключительное по отношению к ее азиатским соседям и в целом к мусульманскому миру. Она и географически, и духовно составляет неотъемлемую часть всей средне- и ближневосточной духовной и материальной общности. Глубокое внутреннее единство этого обширного азиатского региона обеспечил ислам. Кроме того, страну, при всей ее длительной изоляции от внешнего мира, не обошли и многостороннее иноземное влияние: персов, арабов, тюрок, монголов и других народов в древности и средневековье и европейцев в новейшую эпоху. Отсюда не случайно, что определенные характерные черты народов, населяющих Афганистан, легко обнаруживаются у их ближних и дальних соседей.

Во второй половине XX в. ветры перемен, искусственно усиленные извне идеологической конфронтацией двух мировых систем, ураганом вторглись в эту самобытную страну. К сожалению, развитие общественно-политических событий, поначалу обещавших самые радужные перспективы, пошло, в конечном итоге, по наихудшему, исключительно драматическому варианту. Страна была ввергнута в затяжную, кровопролитную гражданскую войну. Единое афганское государство фактически перестало существовать, распавшись на ряд уделов, в которых власть вершат те или иные военно-политические группировки. Судьбу отдельных районов (например, Кандагара) берет в свои руки влиятельная племенная верхушка. Многие города, в том числе столица, лежат в развалинах. Миллионы людей лишились крова и средств к жизни и миллионы, спасая свою жизнь, покинули родину. Особенно тяжелый урон стране нанесла междоусобная война, развернувшаяся между моджахедами после прихода к власти в Кабуле в апреле 1992 года. С этих пор гражданская война из сферы идеолого-политического противоборства перешла в русло межэтнических и межконфессиональных кровавых разборок. При этом, как и в период борьбы против «кабульского коммунистического режима», каждая из враждующих сторон пытается нажить политический капитал на демонстрации приверженности традиционным национальным ценностям и таким образом заручиться поддержкой народа. Как представляется, ныне без учета указанных выше обстоятельств, как и всей суммы этнонациональных, религиозных, языковых и других особенностей Афганистана нельзя понять сложившуюся на этой земле запутанную ситуацию. Автор хотел бы надеяться, что данный краткий рассказ поможет читателю в какой-то мере уяснить специфические особенности этой ставшей для нас географически далекой, но оставшейся исторически близкой страны, а также понять некоторые аспекты происходящих в ней событий.